

16+

Город потерянных

° Соня Грин °

Со́ня Грин
Город потерянных

«Автор»

2019

Грин С.

Город потерянных / С. Грин — «Автор», 2019

Самолет под рейсом номер восемьсот восемьдесят восемь, с виду не предвещающий беды, переносит трех подростков – Азу, Кира и Соньку – на несуществующий остров, где и оставляет наедине с разрушенным во время Второй мировой войны городом. А еще – туманом, терроризирующим это гиблое местечко каждую ночь в поисках чего-нибудь съестного – например, ничего не подозревающих ребят, попавших сюда вместо гостиничного номера. Их общая цель – выжить и попасть обратно в Каролину. Но смогут ли они?

© Грин С., 2019

© Автор, 2019

Часть 1

1

Механический голос, который компостировал мозги всем сидящим в зале ожидания пассажирам уже несколько часов, наконец-то соизволил объявить не менее механическим голосом о том, что нас ожидает самолет. Сонька, которая сидела рядом со мной, радостно запрыгала и захлопала в ладоши, а Кир блаженно выдохнул.

– О *бозе*, – тетя Кира еще сильнее замахала веером, очевидно, пытаясь привлечь внимание сей публики к себе (хотя все знали, что этот ее расфуфыренный веер стоит два бакса на алиэксспрессе, не больше), – я-то думала, *сьто* нам тут *нотевать пидется*! Стыд и *сам*, *позолная* авиакомпания!

– Да тетя Мэвис, не беспокойтесь, – Кир небрежно махнул рукой, – самое главное, что самолет уже ожидает нас. Не так ли?

Наши мамы набросились друг на друга и стали яростно что-то рассказывать, поддерживая парня и расхваливая его манеры. Очевидно, не каждая из них знала, что в прошлый понедельник Кир ухитрился украсть из старбакса пару сэндвичей.

Сонька не стала тратить время зря. Вместо того, чтобы подключиться к непринужденной беседе про паршивых *Как-Их-Там-Кто-Задерживает-Рейсы*, она крепко сжала мою руку и потащила в сторону электронного табло, поэтому шансы вырваться у меня резко свелись к нулю.

– Что ты думаешь? – спросила она, пока мы пробирались сквозь серую массу людей.

– Насчет мам? – я фыркнула, – они всегда так: ты им только повод дай. Двадцать четыре на семь в сутки тему могут обсудать!

– Да нет же! – мы ловко увернулись от шкафоподобного дяденьки, который несся прямо на нас. – Я про то, как было классно, если бы с нами случилось какое-нибудь приключение!

– Какое, например? Похищение крокодилами-мутантами? Обнаружение таинственного логовища в заброшенном городе где-то на окраине?

Мы как-то неловко переглянулись между собой, пытаясь понять, кто же додумался до такого. Долго выяснять не пришлось: уже через секунду из-за моей спины выглянули смешные квадратные очки в черной оправе, по которым игриво скакнул и пропал лучик света.

– Господи, Кир, ты опять пересмотрел свои сериалы-боевики? – Сонька закатила глаза. Уже, кажется, в триста пятьдесят пятый раз.

Парень надулся, явно расстроенный ее заявлением:

– Ты хотела интересного – я озвучил, что не так? Разве ты не хотела быть похищенной гигантскими крокодилами-мутантами? Представь, как они касаются твоего тела, представь это каждой своей клеточкой... А потом представь, что они...

– Ладно-ладно! – я попыталась улыбнуться и встала между ними двоими, хотя прекрасно понимала, что у Кира не все дома. – А сейчас предлагаю разойтись на сей-ля прекрасной ноте и продолжить наш путь. *Да*, Сонька?

Сонька смиренно кивнула, подхватила меня за руку. Кир изобразил момент прелюдии. Я показала ему средний палец. Вот же идиот.

Мы снова возобновили свое движение к табло, у которого на этот раз народу было гораздо меньше. Разноцветные циферки сновали туда-сюда, сменяли друг друга, насакивали, исчезали и снова появлялись. Наш рейс под номером *восемьсот восемьдесят восемь* появился только тогда, когда экран остановился на секунду и задержал изображение, прежде чем заглухнуть насовсем.

– Число «восемь» – бесконечность.

Я обернулась к Соньке:

– Что?

– Восьмерка обозначает бесконечность, – и, немного подумав, добавила: – романтично? Интересно, ей можно напомнить о том, что буквально каких-то пару секунд назад Кир хотел отдать ее в рабство к крокодилам-мутантам?

– *Наверное.*

Наверное.

Что обозначает «наверное»? Кажется, то, что могло произойти, но Сонькиной мечте не следовало сбыться. Почему? Потому что, во-первых, я не была ярым сторонником всяких приключений, в отличие от Соньки, и долететь до Аргентины для меня уже представлялось невыполнимым подвигом. А во-вторых, как это уже повелось, раскрытых случайностей не бывает, а если и бывают, то они становятся чертовски скучными и неинтересными.

Мигающие огоньки по сторонам помещения уже пропали, и мы, тесно сгрудившись в одну кучу, не спеша потопали к самолету через специальный выход. Вперед вырвалась донельзя напуганная стюардесса, которая принялась что-то судорожно лепетать охраннику. Очередь остановилась. Сонька, которая стояла позади Кира, не упустила возможность устроить ему хорошую взбучку за крокодилов-мутантов, а потом повернулась ко мне и с гордым видом хмыкнула.

– Я не верю в это! – охранник рассмеялся, открывая дверь на выход. Толпа тронулась снова.

– Но, – стюардесса выглядела сбитой с толку, будто ей только что в водку подлили пунш и набросали туда соленых огурцов, – вдруг что-то пойдет не так?

Я краем глаза заметила, как моя мама и тетя Мэвис переглянулись и одновременно побледнели, что явно не служило хорошим знаком. А потом еще вдобавок подозрительно уставились на стюардессу.

– Я имела ввиду... – женщина вымученно улыбнулась и поправила странную синюю брошь на униформе, – неполадок нету, а значит, лететь можно спокойно. Да?

Охранник еще раз рассмеялся, и его хохот отразился от слепяще-белых стен зала, попадая во все углы комнаты и превращаясь в странноватое эхо.

Мы с Сонькой и Киrom юркнули в этот узенький проход почти последними, но первых двадцати секунд, которых мы там находились, вполне хватило для того, чтобы понять, что ничего романтического ожидать не стоит. Ни шампанского со столиками на колесиках, которых показывают в слезливых фильмах, ни удобных кресел и чего-то еще из ряда привычного выходящего, видно не было.

«Привычного» – по три места в каждом ряду с ободранной обивкой, брошюрами «уютного полета» и остывшей курицей с пастой недельной давности.

Кир что-то пробурчал и снова попытался наехать на Соньку, но та проскользнула в самолет быстрее, протаскив вперед меня и не забыв показать парню язык. Нет, это вообще нормально, в шестнадцать лет показывать язык? Кажется, нормально, если взять в учет тот факт, что каких-то тридцать минут назад Кир на весь зал ожидания изображал прелюдию, чтобы хорошенько позлить Соньку, которой до этого было абсолютно фиолетово.

Мы боком протаскивали свои задницы между рядами до наших мест. Надо же, мамы специально взяли три сиденья отдельно от себя – хотя бы не придется выслушивать их рассказы о том, кто решил подкатить к тетеньке из соседнего магазина с цветами. Сонька уселась к окну, я села рядом и продемонстрировала место для Кира, который уже забыл про свое желание отдать подругу в рабство.

– Смотрите, тут есть экраны! – воскликнула девушка. – Нет, Аза, ты видишь?! А моя мама была права насчет того, что в этой фирме есть мини-телевизоры в самолетах!

Я и Кир моментально вдолбили свой взгляд в небольшие черные квадратные экранчики, которые висели на передних сиденьях. Я не удержалась и тихо присвистнула – надо же, два-

дцать первый век липкой засасывающей рутинной добрался и до этого побитого жизнью самолета.

Надо отдать должное и сказать, что Аза Джонсон, самая нудная на всем континенте Америки, как-то нашла в себе другую, более светлую сторону, и теперь мчит на самолете в другой конец света не потому, что ей так хочется, а потому, что затащила и вязала в эту авантюру ее подруга, которой эта самая Аза Джонсон просто не могла отказать – хотя бы потому, что она списывала у подруги весь семестр. И теперь я сидела на сиденье и вглядывалась в иллюминатор, слушая чьи-то крики *«помогите, я не хочу лететь в Аргентину»*, и с ужасом осознавала, что эти крики принадлежат *мне*.

Когда на уроке физики Майкл задал учителю вопрос: «А хорошо ли жить на облаках», он ответил: «Может быть, только облака – это ничто иное, как пар, который вышел из океанов, который находится на высоте десяти тысяч метров. Ты не успеешь и оглянуться, как все твое тело замерзнет и умрет от нехватки кислорода».

Так сейчас умирает моя четвертая сторона, которая буквально хочет выпрыгнуть из первого попавшегося запасного выхода и с ужасом убежать прочь. Может быть, даже и Сонькина. И Кирина. Хотя, нет, он всегда отличался своим безразличием ко всему происходящему.

Но сейчас он сидит на боковом кресле, крепко вцепившись в поручни, и смотрит на меня таким жалостливым и молящим взглядом, будто я могу что-то сделать. *Ты можешь*. Определенно, нет. *«Нет» – ты можешь*. «Нет» – я не могу. *Пссссс*. Я же сказала, что я не могу. *Псссссссссс*. Пожалуйста. Хватит. *Псссссссссссс*. Прошу тебя. Хватит. *ПСССССССС*. Ты там... – *ПСССССССС*.

Я будто вынырнула из своих мыслей, покрутила головой, и только спустя пару секунд поняла, что отчаянные попытки вырвать меня из своей вселенной делала настырная Сонька.

– Аза! – девушка скосила глаза. – Ты слышишь, что я тебе говорю? *Айневажно*, в общем, самолет скоро взлетит, как сказали стюардессы.

О НЕТ.

Все, о чем я сейчас молилась – чтобы самолет *не* взлетел по каким-нибудь причинам.

– Еще плохая новость, – перехватил Кир, – то есть, конечно, не очень плохая. Наверное. Экранчики не работают...

Не успел он окончить свою фразу, как черный телевизор мигнул и высветил что-то наподобие электронной брошюрки, которая стала часто-часто мигать.

Мы рады новым пассажирам – гласила здоровенная белая надпись посередине «листа». Я потянулась и смахнула ее вниз, экран сменился новой, еще более красочной картинкой с меню.

– Ого! – Кир одобрительно хмыкнул, быстро перелистывая страницы на своем экране. – Эй, поглядите, тут даже есть научные фильмы! Вдруг тут показывают про крокодилов-мутантов?

Сонька тяжело вздохнула и возвела глаза к потолку, гадая, как она пролетит все эти десять часов и не умрет от вечной болтовни парня.

На следующей странице был написан весьма странный текст, который гласил, что этот рейс – первый рейс, который заработал почти спустя восемь лет. Это здорово меня напрягло. Обычные рейсы здесь, в Шарлотт, летали с примерной периодичностью в два-три дня. Но тут прошло целых восемь *лет*. Пока я успокаивала себя, что самолет находился на ремонте все это время (а других самолетов не существует, что ли?), Сонька и Кир стали издеваться друг над другом опять.

– Если ты еще хоть раз заикнешься про крокодилов-мутантов, я сама же, своими руками запихну тебя им в клетку, – прошипела я, – оставь Соньку в покое, идиот.

Кир громко расхохотался:

– Конечно, как я могу надоедать моей жене.

Я и Сонька содрогнулись от рвотного позыва.

Мы летели в самолете ни меньше, ни больше часа три, но уже жутко устали и захотели блаженно раскинуться на огромной кровати в гостиничном номере.

Пресловутые стюардессы как-то подозрительно часто бегали между рядами и переговаривались друг с другом, а доверчивым пассажирам предлагали чай или кофе раз десять в полчаса, чтобы никто ничего не заметил.

Сон погружал меня в себя тоже довольно часто. Только он был липким, тревожным, мимолетным и совсем не таким, в который хотелось бы вернуться. Сонькины духи чуть-чуть скрашивали эту серую паутину, но не больше; становилось как-то спокойнее и мягче... Кир успел облокотиться своей головой мне на плечо, и теперь сладко посапывал на пару с девушкой, а вот я сидела и смотрела в грязно-желтый потолок, пытаясь заснуть.

За окном борта уже давно стемнело, и мигающие лампочки вверху так и грозили погаснуть в скором времени. Кстати, сколько сейчас времени? Ну, определенно, часов десять уже есть, значит, скоро должны будут разносить ужин. Вот незадача. Только я *почти уснула*, как стюардессы снова будут вынуждены потревожить наш покой. Замечательно.

Первый рейс за восемь лет.

После каждого благоразумного напоминания Второй Я меня прошибал холодный пот. *Что-то определенно случилось*. Но что? Что могло бы помешать самолету летать этим рейсом чуточку почаще? Единственное разумное объяснение этому кошмару, которое у меня было на тот момент – так это то, что этот самолет находился на техническом обслуживании все эти восемь лет. Но после каждой попытки успокоиться я снова задавала себе этот вопрос: *что* случилось с этим рейсом, и снова получала ответ настырной Второй Я о том, что *что-то случилось*, и это *что-то* – явно не простой ремонт.

Так я провела в размышлениях довольно длительное время, а потом включила «Драконов», и положив свою голову на плечо Кира, стала смотреть на другую сторону борта.

Снаружи смеркалось.

Полупрозрачные облака, окрашенные в мягкий лиловый цвет из-за заходящего солнца, лениво пролетали мимо самолета, оставляя еле видимые полосы в воздухе. Из кондиционеров веяло прохладой. Я лежала, положив Киру голову на плечо, и размышляла о том, как это: жить на облаках. Похоже, это была нездоровая тема для шестнадцатилетнего подростка, но я все равно дала волю своему мозгу подумать об этом – хотя бы для того, чтобы Вторая Я наконец-то забыла про этот странный рейс и оставила опасения. Эй, мы же летим и все хорошо – что может случиться?!

И сон, который не хотел настичать меня целых четыре часа, наконец-то взял вверх над моим телом и сознанием.

Неожиданный удар, который обязал подпрыгнуть всех на своих сиденьях в буквальном смысле, пробудил наши с Сонькой и Киrom умы, заставив распрощаться со спасительным сном.

– Что, черт возьми, это такое?! – Кир накрепко вцепился в подлокотник. – Аза, что это было?!

– Если ты считаешь, что я не спала все эти шесть часов, шестнадцать минут и двадцать три секунды, прислушиваясь к каждому звуку, то ты глубоко ошибаешься, – пробормотала я.

В моей голове до сих пор играли слова песни:

Вот и мы, ты нам совсем не рад?

Мы – войны, что строили этот град

Из пыли.

Понять, что на борту случилось что-то серьезное, нам дали четыре стюардессы, шустрое пробежавшие перед нами в сторону «головы» самолета. Все остальные пассажиры остались довольно спокойными даже при их виде, и только мы всей тройкой отчаянно заерзали на сиденьях.

– Уважаемые пассажиры, – голос сверху закашлялся, – мы просим сохранять вас предельное спокойствие и четко следовать инструкциям, которые мы сейчас вам огласим.

Шум в динамиках. Чей-то кашель и неразборчивый французский. Экранчики, которые до этого оставались выключенными, вдруг разом включились, высветив инструкцию для этой печальной ситуации.

– Наш самолет должен совершить вынужденную посадку, – теперь в динамиках заговорила женщина средних лет с приятным певучим голосом, и наравне с ее голосом откуда-то сверху на нас вывалились дыхательные маски. – просим вас сохранять бдительность. Ущерб в скором времени будет компенсирован.

Ага, компенсирован. Живыми бы хоть долететь, что ли, а ущерб – дело времени.

Я краем глаза заметила, как все засуетились и стали делать попытки одеть на себя маски. Кто-то в другом корпусе истошно закричал. Я почувствовала, как вторая личность Азы Джонсон буквально сделалась зеленой от страха.

– Просим вас крепко держаться за подлокотники и быть начеку. Всего хорошего, – и динамики выключились.

– Отлично! – Сонька часто задыхалась. – Аза, ты слышала?! Она желает нам всего хорошего, когда мы, по сути, скоро разобьемся! «Хорошо вам разбиться», да?!

– Спокойно, пожалуйста, – теперь я смогла разобраться с маской и говорила, как герой «звездных войн», – может быть, ничего плохого не случится. Но...

Договорить я не успела лишь потому, что при виде земли в иллюминаторе, в общем-то, я забыла весь английский напрочь в считанные секунды. А потом за этим последовал оглушающий удар, который выбил из трех бледных тел весь дух, который там еще оставался.

Я проворонила момент и больно ударилась головой о переднее сиденье, оставив там нехилый отпечаток размером с футбольный мяч. Сонька истошно закричала; Кир, вцепившись всеми конечностями в сиденье, до посинения сжал челюсти.

После первого удара послышался звук выдвигающихся шасси и еще один толчок, но уже послабее предыдущего. Теперь я успела среагировать и выдвинула вперед руки, чтобы снова не вписаться в экран. Борт трясло в разные стороны, пассажиры кричали и прижимали своих детей к себе. Где-то снаружи зажглись аварийные ядовито-красные мигалки. Все это превратилось в сплошное месиво, в котором не то что сосредоточиться – нормально думать нельзя было.

А потом настала тишина.

Давящая, затягивающая и одновременно оглушающая. После всего того, что нам удалось пережить, она показалась спасением, но ненадолго.

Мы умерли? Я оглядела салон самолета. Половина лампочек погасло, отчего здесь сделалось еще темнее. После длинной паузы послышались всхлипы, крики, плач. Я оглянулась на Соньку и крепко сжала ее руку, а она уткнулась мне в плечо и застыла в этой позе.

Мы сидели так минут десять, пока Кир не шевельнулся и шумно вдохнул, разрушив наше оцепенение.

– Девчонки, вы целы? – он слегка толкнул меня в бок. Я часто закивала. Сонька всхлинула. – Черт, мы живы?

– Да какая разница, живы мы или нет, мы даже не знаем, куда нас занесло! – девушка, которая в это время еле сдерживала себя, горько зарыдала.

– Все будет хорошо, слышишь? – я обняла ее.

Но только мы подумали, что все будет нормально и мы выберемся отсюда, как оставшиеся лампочки мигнули и разом погасли, а голоса стихли, и в салоне настала кромешная темнота.

– *Чееееееееерт*, – я закатила глаза вверх. А потом высвободила свою руку из объятий Соньки и стала безуспешно шарить вверху в поисках источниках света.

Что-то покрутила. Наверное, это и есть лампочки. До сих пор теплые. Пошарила еще, нашла длинную «ленту» – это, похоже, шнур от дыхательной маски. Тоже не то, что надо.

– Да ладно, брось, – Кир в темноте перехватил мою руку и крепко ее сжал. – Давайте лучше найдем старших и посмотрим, какую лапшу они будут нам вешать.

– А наши мамы? – впервые Сонька заговорила уверенным голосом и перестала дрожать. – *Маааааааааам?*

Наша троица затихла, прислушиваясь к каждому звуку.

Мне на момент показалось, что у мира выключили его звук. В салоне сделалось так тихо, что теперь мы слышали звук собственного дыхания. Мое сердце бешено скакало от волнения, и я никак не могла его присмирить.

Сонька еще раз позвала наших мам, но в ответ получила только угнетающую тишину и странное эхо.

– Вот черт, – цокнул Кир, – это еще что?

Тут уже нервы у нее сдали, и она заорала как сумасшедшая «*мам, ты где?*».

– Погодите-ка! – в моем мозгу зажглась новая лампочка, – кажется, они вышли через запасной выход!

Вот и отлично. Теперь, в крайнем случае, нам не придется волноваться за них, хотя мне было ужасно обидно, что они выбежали и даже не вспомнили про нас. Я протолкнулась через парня между рядами, выйдя в довольно узкий проход. Под ногами что-то хрустнуло. Попкорн или еще какая-нибудь забытая штука, наверное.

Первое, что пришло мне в голову, было потрогать соседнее сиденье. А вдруг там кто-то сидит, и я ненароком потрогаю «его» за голову? Или за живот? Ой, какой позор-то будет! Я уже было хотела отступить, но, почувствовав даже в темноте пристальный взгляд двух пар глаз, все же нерешительно протянула руку и дотронулась до...

И в ужасе отдернулась.

Нет, там определенно что-то было. Но это что-то явно не походило на живую форму жизни. Оно не было теплым, оно не шевелилось, оно не дышало. Грубая скользкая поверхность не колыхалась от ударов сердца, что еще раз подтверждало теорию о том, что оно не живое.

За эти полторы миллисекунды, за которые моя рука задержалась на этом нечто, я успела сделать два важных вывода: во-первых, если бы это и была какая-то сумка, то ее поверхность не напоминала кожу только что родившегося младенца, а во-вторых, если это не сумка, то *что* это тогда лежало на сиденье и даже не удосужилось издать хоть какой звук, чтобы я могла приблизительно опознать это нечто?

– Боже мой! – я попятилась назад, наткнулась на кого-то из ребят и чуть не загремела в проход, – там... Я не знаю, что там, но, кажется, нам нужно валить отсюда как можно быстрее! ЖИВО!

Кир и Сонька, похоже, немного опешили от сего заявления, а потом, натыкаясь друг на друга и матерясь отборными словами, на ощупь помчались к выходу.

Этот случай выбил *остатки остатков* моего духа, которые еще оставались после того, как наш самолет совершил аварийную посадку, и сейчас мой мозг наконец-то послушал бешено бьющееся сердце и заорал что есть мочи всему организму только одно.

ВАЛИТЬ. ОТСЮДА. КАК МОЖНО. БЫСТРЕЕ!!!

Мы добежали до двери секунды за три и судорожно стали шарить в темноте в поисках ручки. Какие-то кнопки... рычажки... выемки и «впуклости»... Ремни... ленты...

– Быстрее, девчонки, пожалуйста! – Кир выругался сквозь зубы.

А дальше произошло то, что заставило все мои волосы разом подняться и сплестись тумбу прямо на теле. То, что еще минуту назад лежало неподвижно и не подавало признаков жизни, завозилось на сиденье и стало *светиться* мягким голубым светом.

Я видела его светящиеся жилы по всему бесформенному телу, похожему на обрубок, его подобие когтистых лап. В верхней части головы пульсировала странная темно-синяя жидкость. В целом, это странное нечто напоминало насекомое, на которое кто-то наступил тапком, а потом чья-то сердобольная душа нашла его и склеила, подбросив нам, как новогодний подарок.

Я успела зажать рот рукой прежде, чем из меня бы вырвался полный ужаса вопль. Сзади истерически пискнула Сонька, шепотом умоляя Кира искать выход быстрее раза в четыре.

Тем временем светящееся нечто сделало попытку скатиться с сиденья и, будто гусеница, пустила импульс по всему телу. Оно содрогнулось. Нечто сделало вторую попытку, подползло к краю кресла и снова пустило импульс, смачно шмякаясь на пол.

– *СКОРЕЕ, ЧЕРТ ТЕБЯ ДЕРИ!!!* – заорали мы с Сонькой в один голос, уже не выдерживая этого ужаса. А потом, крича на весь салон, кинулись к двери и стали как полоумные бить по ней кулаками.

– Сделай что-нибудь, – я развернула Кира к себе и потрясла его за плечи.

– Я пытаюсь, черт возьми! – он скинул мои руки. – Я пытаюсь, черт, я пытаюсь! Я пытаюсь вскрыть эту долбаную дверь, которая замурована насмерть!

БАМ.

Нога парня отпечатала в железной двери след подошвы. И ничего более.

Я снова поборола себя и оглянулась назад. Теперь эта гусеницеподобная штука была гораздо ближе, буквально за минуту она проползла около четырех рядов.

– Аза, черт тебя дерит, зачем ты потрогала эту хрень вообще?! – пропищала Сонька, отчаянно дергая по очереди свисающие вниз ремни.

– Вы сами попросили меня убедиться, есть ли кто кроме нас в салоне. Я убедилась! Вместе с нами есть странный желеобразный монстр, который ползет прямо к *нам*, – саркастично ответила я.

Бам. Бам. БАМ.

– Если мы выживем, я клянусь, я куплю тебе три книги о мифических созданиях, – захлебываясь в слезах, гаркнула девушка.

Сонька хотела сказать что-то еще, но возглас Кира, который свидетельствовал о том, что в этой темноте появился просвет надежды, заставил нас разом забыть о споре и кинуться на помощь.

– Насчет три, – он схватил наши руки и положил на ручку-рычаг, – один, – мы крепко ухватили ее со всех сторон, – два, – потянули, – три! – мы вложили остатки своих сил и услышали блаженный звук щелчка.

Кир еще раз пнул дверь, и она со скрипом стала открываться.

В салон ворвался затхлый воздух, заполнив собой все пространство. Мы, не разбирая дороги, посыпались вниз, выставив вперед ноги и пытаясь не кувырнуться в полете.

БАБАХ.

Я потеряла равновесие, больно шлепнулась боком о пыльную землю, что разом выбило весь дух и подняло вокруг столб пыли не меньше трех ярдов в высоту. Скатилась по небольшому пригорку, и немного очухавшись, услышала, как вслед за мной шмякаются Сонька и Кир, изрыгая проклятия на все лады.

Я отклеила взгляд от земли и отметила, что лежу ни больше, ни меньше в вонючей жиже, которая воняет дохлой стаей котят. По краям ее росла серо-желтая трава, которая в рост сравнилась бы с некрупным ребенком. Ага, значит, занесли нас все-таки на землю... Только вот где все остальные пассажиры? Неужели они успели улететь на другом самолете, пока мы всей троицей занимались сеансом самовнушения всего хорошего?

– Эй, ты как там? – я услышала, как Кирины ботинки шлепают прямо по жиже ко мне. – Жива?

– Вроде бы, – *вроде бы?* – куда нас занесло?

Кир подошел сзади, схватил меня за воротник куртки и помог подняться. Вслед за ним на цыпочках подскочила Сонька, ругая весь белый свет за то, что одела белые кроссовки.

Я привела свои мысли в порядок и огляделась.

Это место не походило на живописные ландшафты в Аргентине. Оно не походило ни на пустыню, ни на джунгли или поля. Оно было сплошным выжженным и высохшим мертвым серым пустырем, окружающим нас со всех сторон, словно мазутное пятно.

Та трава, которую я встретила у болота, была единичным экземпляром на этой земле, потому что растений в поле зрения больше не наблюдалось – лишь только парочка иссохшихся деревьев вдалеке, да какая-то торчащая из земли коряжка.

Вдали над землей плелся густой зеленоватый туман, не дававший разглядеть, что же следует за ним. На небе светало. Я оглянулась на ребят, чтобы спросить у ходячей энциклопедии Соньки, куда же нас занес черт, и по ее взгляду поняла, что она растеряна не меньше, чем я.

– Плохую новость хочешь? – и, не дав ответить, Кир произнес: – следов других попутчиков не видно *вообще*. Такое ощущение, что они просто *испарились*.

– Вдруг их съела та синяя штука? – Сонька перекинула голову ему через плечо, – с виду она, конечно, несколько безобидная, но...

– Ты хочешь сказать, что всех сто пятьдесят пассажиров съела «та синяя штука»? – скептически усмехнулся парень. – Не верю. Знаешь, что? Лучше придумайте, куда нам пойти. Не хочу оставаться на этом пустыре в окружении обломков самолета.

Даже в темноте я почувствовала, как Сонька возвела глаза к небесам, но возражать не стала. Мы, не сговариваясь, направились от самолета неспешащими, размеренными шагами, не разговаривая и не оглядываясь назад, ведь каждому из нас уже стало понятно, что приключения, которые я так старалась избежать, только начинаются.

2

Мы шли часа полтора, все уставшие и замерзшие, пока Сонька не закричала «город!» и бросилась вперед к горизонту.

Конечно же, ничего там видно не было, но после нескольких пройденных ярдов я все же смогла разглядеть странные небольшие домишки... Нет, на вид они были вполне себе обычными, ничем не отличающимися друг от друга домиками, но, когда мы подошли ближе, причина сразу бросилась нам прямо в лицо и застыла там гримасой ужаса.

Дома были разрушенными.

Просто груда серо-желтых кирпичей и металла, кое-где – уцелевшие стены с выбитыми окнами и ставнями. Под ногами то и дело мелькали доски, пыльные предметы быта, куклы с оторванными головами.

Мы остановились в нерешительности перед огромными воротами и табличкой с надписью «Welkme ta Sleepstown», гадая, сошли мы с ума или уже умерли.

– И что будем делать? – Сонька захлопала глазами, подобрала с земли пыльную куклу с одним полустертым нарисованным глазом и отбросила от себя подальше.

– Да уж, похоже, мы застряли тут надолго... – Пробормотала я. – Такое ощущение, что нас отбросило лет на сорок назад. Ну, знаете, как в фильмах о войне.

– Эй ты, ходячая энциклопедия, – Кир легонько толкнул Соньку, – колись, в каком справочнике написано о том, что война идет где-то?!

– Я ничего не знаю! – ошетижилась та, – а если тебе надо поумничать – пожалуйста, иди и умничай вон той стене!

– Да уж больно надо, это ты петушиться любишь передо мной. Влюбилась, что ли?

Сонька истерически рассмеялась, подхватила меня за руку и бросилась к развалинам с такой прытью, будто увидела дверь с надписью «выход здесь». А возможно, она просто решила оставить Кира в своих раздумьях о том, любит ли она его или нет.

Мы вскарабкались на небольшой пригорок из груды поломанных кирпичей, на ходу ранив свои и без того истерзанные колени. Сонька остановилась чуть поодаль, всматриваясь в закат. Даже он тут был каким-то странным – бледно-зеленая дымка, и посередине нее – такое же по цвету восходящее солнце.

Я шумно вздохнула, наблюдая за его ленивыми лучами, крадущимся по развалинам странного города под названием «Слипстоун». Спящий... город? Какой идиот додумался назвать «Слипстоун»... э-э, «Слипстоуном»?

– Я не хочу тут оставаться, – я рассеяно оглянулась по сторонам. – Тут как-то... жутко, что ли... Давайте вернемся в самолет?

Мы синхронно обернулись назад, но кроме выжженного поля не увидели ровным счетом ничего.

– Не ты одна не хочешь тут оставаться, – девушка вздохнула. – Если бы я хоть знала, что это за город такой... Его же ни на одной карте нету!

Мы услышали, как кирпичи сзади нас осыпаются, срываясь вниз. Кир в одно мгновение запрыгнул на пригорок, отряхивая свои флисовые штаны, которые покрылись зелено-серой пылью.

– У нас есть только один выход, – заумно начал тот. Мы с Сонькой оглянулись на него в недоумении.

– И какой же? – спросила девушка.

– Идти вперед, – ответил парень.

Честно признаться, эта идея была явно не из лучших.

Чем больше мы заходили вглубь Слипстоуна, пытаясь найти хоть грамм цивилизации, тем больше убеждались в том, что этой цивилизации мы никогда здесь не найдем. Хотя, очевидно, нам становилось ясно только одно: не было ее тут лишь из-за того, что этот город просто до нее не дожил.

Улицы на наше удивление «внутри» сохранились гораздо лучше, чем вначале. Было такое ощущение, что город бомбили только по кольцу (а бомбили ли вообще), но середину не тронули. Во время нашего обхода одного из домов (опять же – Кир настоял на том, чтобы мы проверили каждый угол и окончательно убедились в том, что двадцать первого века здесь не было) я нашла в грудке металла старую телефонную будку с потрескавшимися стеклами и трещинами по всему периметру, но почти целую. Такая находка нас немного обрадовала, но мы до сих пор не нашли выход из города, что радости совсем не прибавляло.

Мы заблудились в этом не имеющем конца городе.

Он словно был бесконечным – уходил далеко за горизонт, пожирая в себя все новые и новые участки мертвого пустыря.

Кто знает, может быть, когда-то он не был таким же серым и безжизненным?

– Вот. – Кир отошел подалее от нас на пару шагов и приподнял руки вверх, приглашая войти в неожиданно хорошо сохранившийся магазинчик. – Думаю, здесь можно заночевать.

Сонька издала какой-то нечленораздельный звук, но все же шаркающей походкой проскочила в проход, заделанный почти наполовину трухлявыми досками.

Мягкий зеленоватый свет с витрины освещал лишь небольшой кусочек узкой улицы, но странный туман был виден за милю, и только слепой не смог бы его разглядеть. Он был каким-то... пугающим, что ли. Зеленым, *светящимся*, и он двигался прямо на нас.

– Как-то мне здесь неуютно, – я подала руку Киру, и он помог мне запрыгнуть на высокую ступень. – Тебе не кажется, или туман тут крайне странный?

– Аза, не говори, – парень покачал головой, – тут все странное, но туман... Да, он какой-то слишком отклоняющийся от нормы, так сказать. Он реально странный. Давай, не тормози лучше, теперь каждая секунда на счету.

Я пригнулась и вслед за Киrom юркнула в магазин. Он, удостоверившись, что все мы зашли внутрь, плотно закрыл тухлявую дверь и подпер не менее тухлявой шваброй.

– Ребята, разбираем ножики! – Сонька жестом указала на полку с кухонными ножами. Мы, как сумасшедшие, подлетели к витрине и схватили первые попавшиеся.

Когда всеобщее волнение немного утихло, а трясущаяся от ужаса вторая личность Азы Джонсон наконец-то поняла, что опасности здесь (в магазинчике – но никак не в странном городе) нету никакой, я решила отклеить свою задницу с пола и осмотреться.

Тухлявые доски подо мной заскрипели, когда я поднялась с колен и на трясущихся ногах подобралась к противоположной витрине с консервами. Оглянулась. *Давай, Аза, там ничего нету, твои друзья сидят в футе от тебя.* Они-то сидят, а вдруг кто-нибудь прыгнет на нас сзади? *Не носи цепуху. Все хорошо.* Конечно, хорошо, нас занесло черт знает куда, и ты называешь это «хорошо»? *Аза, успокойся. Все. Будет. Отлично.*

Краем глаза я заметила, как Сонька и Кир одновременно подняли большие пальцы вверх, то ли подбадривая меня, то ли выражая нежелание красться следом. Как бы там ни было, они явно не спешили за мной. Друзья, называется.

Я протянула руку, чтобы взять одну из консерв, и уже было дотронулась до шероховатой поверхности банки, как что-то сзади громко выстрелило.

– На пол! – шепотом прокричал Кир, увлекая за собой Соньку.

Я резко легла вниз, закрывая руками голову. Невидимый противник выстрелил еще пару раз. Консервы, в которые попала пуля, со звоном посыпались на пол.

– Черт! – я попыталась отползти от витрины на случай, если она упадет. – Что делать будем?

– Бежать? – предположила девушка. Кир крепко сжал челюсти:

– Нападать?

БАХ. БАХ. БАХ-БАХ.

– Самый разумный вариант – бежать! – пропищала Сонька, закрывая руками затылок. – Но и он, наверное, нам уже не поможет!

БА-А-А-А-А-А-АХ.

– Решай быстрее, – взмолилась я, – иначе нас тут как котят перестреляют!

Кир тяжело вздохнул и поднял руку с ножом. Я недоуменно на него покосилась – он, что, собирается нападать?

Но прежде чем ко мне пришло понимание того, насколько это опасно, Кир с криком и вытянутым вперед ножом для масла выскочил из-за витрины, на ходу изрыгая проклятия. Сонька пискнула и зажала уши руками, а вот в моем мозгу пронеслась четкая картина убийства парня каким-то невиданным зверем... Ну, той гусеницеподобной штукой, может быть... Или еще каким-нибудь странным существом, обитающим тут...

– ВСЕМ ОСТАВАТЬСЯ НА МЕСТЕ! – раздался рев Кира, который быстро сменился на удивленный возглас. Второй голос, чуть охрипший, низкий и совсем не принадлежащий галактическому монстру, что-то быстро проговорил.

– Что там происходит? – Сонька оглянулась на меня с глазами-блюдцами. – Там, что, кто-то есть?

Я в ответ пожала плечами.

– Эй вы там, вылезайте, – послышалось за витриной. – Не бойтесь, я не кусаюсь. Быстрее, иначе здесь жить останетесь.

Мы, все еще на согнутых коленях, подползли к краю и взглянули на неизвестного гостя...

Это был высокий худощавый темноволосый мальчишка лет восемнадцати с очками на пол-лица и в настолько мятых бежевых штанах, будто они никогда не видели утюга. Майка на нем отсутствовала; левая нога, начиная от щиколотки, была перевязана старой тряпкой, к которой была приделана железяка, служащая чем-то сродни протеза; то же самое постигло и левую руку – та тоже была перевязана клочком тряпки. Сквозь бледную кожу проступали резкие очертания ребер, которые при каждом его вдохе поднимались и тяжело и плавно опускались. Прическа была несколько чудна, будто ее обрезали впопыхах.

– Что смотрите? – он опустил дуло пистолета, и Кир инстинктивно дернулся.

– Зачем надо было в нас стрелять? – хмыкнула Сонька.

– Вместо вас вполне себе могли оказаться аликвиды.

– Али... кто? – переспросила я. – Ты хоть сам-то понимаешь, что несешь?

Мальчишка оперся о стену:

– Такие синие существа. Не опасные, но, тем не менее, жалят больно. И часто оставляют меня без еды. Да вы не бойтесь, говорю – я не кусаюсь.

Все. Либо у нас снесло крышу, либо у нас *реально* снесло крышу.

Самолет потерпел крушение и принес нас неизвестно куда, неизвестно на какой остров. Мы потерялись, мы изголодали, мы забрели в город и нас чуть не расстрелял какой-то странный тип, у которого есть пистолет. Интересно, это сгодится для нового бестселлера?

То есть, конечно, он мог бы сгодиться, если бы мы выжили и отправили эту задумку у себя дома в Каролине, а не сидя в руинах и отрешенно оглядываясь по сторонам.

– Значит так, – мальчишка вынул из кармана вещь, по подобию напоминающую что-то сродни компаса и карманных часов вместе взятых. – *Они* доберутся до этого магазина ровно через... три минуты и шестнадцать секунд, поэтому, если хотите выжить, предлагаю проследовать за мной. Если нет – сидите сколько влезет, пока вы не станете *ими*.

– Кем – ими? – я прищурилась.

Но он даже не подумал отвечать, только выжидающе уставился на нас и потряс в воздухе странной вещицей, как бы говоря: «время идет, дорогие».

Так. А вот теперь пришло время рассуждать логически.

У нас – ножи для масла, у него – пистолет с заряженным магазином. Мы находимся в этом Слипстоуне меньше суток, он – не меньше нескольких месяцев, если судить по его внешнему виду. Мы не знаем здесь абсолютно ничего, он, следовательно, – знает эти окрестности как свои пять пальцев. И даже если мы не хотим это признавать, нужно подчиниться этому странноватому типу, если мы хотим хоть как-то продержаться на некоторое время здесь. Очевидно, нельзя доверять ему на все сто процентов, но он будет хоть какой-то защитой, в отличие от тех ножей, которые подходят только для кухонных целей, но никак не для выживания.

Я бросила мимоличный взгляд в сторону ребят и уловила их решительные взгляды. Ну вот отлично. Теперь отступить – все равно как подписать себе смертный приговор.

– Что ж, у нас остается минута и три секунды, за это время нам нужно унести ноги отсюда как можно дальше, потому что *они* всегда окружают город кольцом. А теперь руги в ноги – и за мной.

При упоминании этих *их* и о том, что *они* окружают город кольцом, в моем мозгу всплыли живописные картинки руин. Я поежилась.

Мальчишка сорвался с места и юркнул в открытую дверь, остановился недалеко от магазина, дожидаясь, пока мы все высыпем следом за ним в облачную ночь. А потом, раздав нам странные побрякушки, пояснил:

– Если кто-то из вас зазеваается, дуйте. Я, конечно, надеюсь, что мне не придется спасать ваши задницы, особенно если учесть тот факт, что мы знакомы от силы пять минут и мне ну

совсем не хочется рисковать своей жизнью, но что бы ни случилось – дуйте. Это отпугнет *их* и отсчитает вам пару секунд для побега.

Сонька, которой уже надоели эти «они», крепко вцепилась в руку парню и вполголоса спросила:

– Может ты расскажешь, о ком идет речь?

– Позже, – отмахнулся тот, – времени мало.

Мы бросились за парнем раза в три быстрее своей обычной нормы, обгоняя друг друга, спотыкаясь и натываясь на всякий мусор и осколки. В воздухе пахло ядовитыми испарениями, глаза слезились и слезы размывали видимость.

Мы стали бежать быстрее после того, как Сонька оглянулась назад и увидела зелено-серый туман в нескольких ярдах от нас, который буквально пожирал в себя все и вся. Магазин, от которого мы пробежали всего с сотню ярдов, уже скрылся в нем без вести. Он медленно, но верно полз по сырой земле к нам, не оставляя шансов на спасение.

Кажется, я поняла, что имел ввиду мальчишка, когда упоминал *их*.

– Теперь вы видите, что бывает, если начать тормозить! – крикнул «спаситель». – По счету три трубим в ракушки! Хотя, нет, к черту счет, трубим сейчас!! *ЖИВО!!!*

Я прокричала что-то наподобие «хорошо» и, приставляя к губам небольшую штучку, что есть мочи дунула в нее. Мои руки тряслись, и я чуть было не выронила побрякушку из рук. То же самое сделали Сонька, Кир и парень, и скоро все пространство заполнил собой мелодичный звук, вырывающийся из раковин.

Легкие потихоньку начали гореть огнем, а ребра стал кто-то разрывать с таким энтузиазмом, словно не знал, что за нами гонится настоящая смерть. Как же не вовремя. Я вдохнула по сильнее и, вдувая очередную порцию воздуха в раковину, оглянулась назад.

Туман немного отстал и держался на почтительном расстоянии, но все так же продолжал следовать за нами одним сплошным серо-зеленым пятном. И как бы это не хотелось принимать, но мы все вчетвером вынуждены были признаться самим себе, что, если мы будем дуть постоянно, – живыми до укрытия не добежим. Поэтому мы обреченно сложили ракушки в карманы и приготовились слушать наставления парня.

И они последовали. Сначала неохотные, но потом все более уверенные и оптимистичные. Он снова придумал, как нам можно спастись.

– Короче, не все так плохо, – мальчишка поравнялся с нами, и теперь мы бежали одной «линейкой», – видите тот поворот? – мы синхронно закивали как китайские болванчики, мысленно прощаясь с жизнью, – перед тем, как повернуть, немного замедлите ход и сделайте выпад влево, это собьет *их* с толку. А потом валите оттуда прочь, словно за вами гонится сам демон... Хотя, тут, конечно, так и есть... В общем, всем все ясно?

Мы снова закивали с утроенной силой, и парень, удостоверившись, что мы все еще можем бежать, снова ускорил бег и скрылся за поворотом.

Первым в нашей троице выступил Кир, который пустился бежать быстрее нас двоих. Следом нажала Сонька. А у меня в момент ногу так защипало, что все попытки мира показались обычным щипком.

Я крепко зажмурила глаза и, через раз прыгая на другой здоровой ноге, потянулась к ракушке. И тут же отдернулась... Да ничего там серьезного, что, по мелочи трубить нужно? Подумают еще Сонька и Кир, что я всех и вся боюсь и каждую секунду ору как полоумная. Да и... он... подумает, наверное, что я совсем не ценю время.

До поворота оставались считанные миллисекунды. Ногу снова прожгло острой болью и скрутило в разных позах... Черт. *Соберись, тряпка*. Не могу, мне же, как-никак, больно! *Я сказала соберись, иначе тебя сожрет и утянет в себя это нечто*. Я знаю, но... *Ты хочешь жить, тряпка?!* Да действительно, почему бы мне не пойти и не убиться об какую-нибудь

арматуру? *Я сказала – соберись. Другого шанса не будет. Не могу... Не смей. Слышишь, не смей.*

Черт.

Удар об сырой асфальт. Адская боль. И, может быть, даже слезы от безысходности. Так рано сдалась. Нету сил даже на то, чтобы вынуть ракушку и позвать на помощь. Чертова нога.

Лопатками чувствую – туман снова всего лишь в нескольких ярдах от меня, но уже неизменно подкрадывается. Кир! Сонька! Ну кто-нибудь...

Глаза начинают щипать и слезиться. Тело – адски болеть.

Я еще раз оборачиваюсь и вижу, как меня накрывает серо-зеленое смрадное облако...

– Да жива еще, вон, храпит как паровоз. Даже громче.

Я приоткрыла глаза и тут же зажмурила их от яркого луча света. Тело враз заболело как по команде. Ох, черт...

– С ней точно все в порядке, кудесник? – спросил чей-то мужской голос, обращаясь к другому.

– Точно, как дважды два. – Хмыкнул охрипший голос. – Полежит сейчас денек-другой, будет как новенькая. Проходили уже такое.

– Как-то не особо верится, – вторил девичий настырный писклявый голос. – Смотри мне – если твои манипуляции не помогут – можешь сюда не соваться больше!

Открыть глаза и сфокусировать взгляд оказалось гораздо большей трудностью, чем сдвинуть с места три самолета.

Я находилась в небольшой комнате с маленьким окошком, через которое пробивались яркие лучи света. Обстановка была скудной: комод в углу, пыльное зеркало с трещиной по всей глади, пару таких же по состоянию книг. У двери, тщательно забитой досками, был склад странных непривычных вещей – в их числе были и те часы-компасы.

Так.

Стоп.

Я умерла?

Нет, наверное, не умерла, раз очнулась, но это заслуживает внимания как само себе разумеющееся в учете некоторых событий. Хотя, конечно, в этом городе можно не только умереть, но и очнуться – уже мертвым.

– Очнулась! – Сонька подлетела ко мне и только хотела накинуться с объятиями, как чья-то худая рука с длинными пальцами схватила ее за плечо:

– Оставь эту. Слабая еще очень.

Я хотела сказать, что, в общем-то, я уже вполне себе могу бегать, но рот предательски остановился на полуслове и так и завис, обнажая наружу свисающий язык. Я попыталась закрыть его снова, но в итоге только что-то неразборчиво промычала.

– Эй, тощий, – грубый голос (несомненно, голос Кира) не обещал ничего хорошего после моей выходки, – ты что намудрил?!

– Я помог, – снова ответил ему спокойный хриплый низкий голос. – Это действие транквилизатора, но, если вам не нравится, что я вас приютил, накормил и отогрел – дверь вон там, идите на все четыре стороны. Только, это... Свою красавицу спящую заберите.

Кир что-то неразборчиво проговорил и сплюнул.

А потом до моих ушей донесся глухой удар и крик Соньки.

Давай. Встань. Не могу. Подними руку. Тяжело. Закрой пасть и уберись язык. Это уже легче. Отлично, встань. Не могу. Можешь, тряпка. Подними руку. Ну и что мне это даст? Контроль над небольшим участком твоего тела. Не могу. Прекрати. Поверни голову. Черт

возьми, я не могу! *Прекрати думать «не могу».* Эй, ведь ты – и есть я. *Ну и что?* Прекрати давать мне наставления. *Встань и я заткнусь.* Заткнись лучше сейчас. *Встань. И я. Заткнусь.*

Я издала какой-то булькающий звук (очевидно, пытаюсь вздохнуть), и сделала резкий выпад вперед. Ничего. Абсолютно.

Сзади послышался еще удар и возня.

Если ты будешь тянуть время, твоего друга убьет тот странноватый тип.

Выпад. Выпад. Выпад.

На последней попытке я сумела приподняться над лежанкой и наконец-то пришла в сидячее положение. Чувствительность, которая прежде не подавала и намеков, стала возвращаться ко мне с поразительной скоростью.

Краем глаза я увидела, как мальчишка, держащий за воротник футболки Кира, дернулся и выпустил его с ухмылкой на лице, сняв всеобщее напряжение. Мои мышцы лица, которые прежде изображали рот покойника, натянули лживую улыбку.

– Слава богу, ты проснулась, – Сонька снова подлетела ко мне и крепко меня обняла, – мы уже думали, что *этот* сделал что-то не то.

– Не то слово, – ухмыльнулся худощавый. – Эту манипуляцию я делаю на протяжении восьми лет, как я могу сделать что-то не то? В общем, как я там говорил: забирайте свою спящую красавицу и мотайте на все четыре стороны. Я вам помог, а вы меня чуть здесь живьем не закопали. И это по-вашему современному «спасибо», да? Давайте-давайте, шагом марш!

– И уйдем! – надулась Сонька, помогая мне встать на пол, – больно ты нам нужен.

Ответ худощавого стал короткий не то смешок, не то какой-то другой звук, всем за него говорящий, что Сонька его не удивила.

Я чувствовала пол под ногами примерно так, как чувствует не умеющий плавать человек воду. Тем не менее, я гордо оперлась о плечи Соньки и Кира, которые встали по бокам, и начала медленно делать небольшие шаги по направлению к двери. А потом встала посередине как вкопанная, поняв одну важную деталь.

Нога, которая подвела меня в тот роковой день, почти не отличалась от другой. Лишь небольшой шрам тянулся от колена и уходил в ботинок.

Сколько я здесь пролежала? Час? День? Неделю?

А может быть, и то, и другое вместе взятые?

Я, сама незаметно для себя, подняла голову и уставилась вопросительным взглядом на мальчишку, который держал в руке похожее на желе синее шипастое нечто. *То самое, которое пыталось убить нас в самолете.* Он в свою очередь скосил глаза в противоположный угол, как бы говоря этим, что меня здесь просто нету.

– Что случилось? – я высвободилась из объятий Соньки и Кира и на покачивающихся ногах подошла к нему.

– Дэвид.

– Что?

– Мое имя – Дэвид, – высокомерно заметил тот, – а что с тобой случилось, я, пожалуй, рассказывать не буду.

Он почесал затылок замотанной в черную тряпку рукой, и я заметила, что из нее пробивается темная жидкость.

– Я выжила, и я имею право знать.

Дэвид, который прежде обрел имя, пригнулся, чтобы поравняться со мной ростом, и совершенно наигранным серьезным тоном произнес:

– Тебя украли барабаки. А я тебя спас, – и снова принялся рассматривать синее нечто с острыми шипами.

Сзади меня вздохнула Сонька, а потом кто-то схватил меня за руку и потащил к раскрытой настежь двери.

– Давайте, вперед и с песней. Надеюсь, в скором времени вы не станете *их* обедом, – услышала я перед тем, как тяжелая дубовая дверь закрылась прямо перед нашими носами.

Жара. Невыносимый голод и сушняк. Постоянные вздохи. И бесконечное число вопросов, которые генерировал мой мозг с утроенной силой после того, как мы покинули обиталище Дэвида.

Кто он? Как давно тут живет? Чем занимается? Как выживает? Где находит пропитание и воду? Как сюда попал? Неужели, тоже «через» самолет? А его эти все штучки и махинации? Неужели, умеет готовить какие-то зелья, с помощью которых он меня спас?

Сонька плелась следом за нами поодаль, но я лопатками чувствовала, что ее мозг взбодражен не меньше, чем мой.

Мы брели уже с час, но местность поменялась не намного. Дома стали чуть ниже и чуть целостнее, чем на улице, где находился дом Дэвида, если это вообще можно было назвать домом. Кое-где стали мелькать заброшенные высохшие сады, огороженные трухлявым забором. В воздухе повеяло гарью, сухими листьями и осенью.

Кир, который до этого буквально вытащил меня от единственного спасения, не дав встать и слова, тяжело вздохнул и уселся прямо на пыльную плитку, запрокинув вверх голову. Его челка свалилась в один сплошной колтун и прилипла ко лбу, создавая впечатление, что его уже успели и инопланетяне похитить, и даже расплавить в кислоте, потом собрав по кусочкам.

– Я больше не могу, – он высунул язык и часто задышал, – убейте меня, но я не помню такой жары в Каролине за последние шестнадцать лет.

– Это, наверное, потому, что ты вообще ничего ни фига не помнишь, – заметила Сонька. Я привалилась рядом с ним, облокотившись о камень.

– Может быть, стоит вернуться, пока не наступила ночь?

– Уж лучше быть *съеденным/высосанным* туманом, чем пойти к этому типу еще раз, – хмыкнула девушка.

– А одним нам не справиться. Эй, посуди сама! Мы попали в город со странным названием Слипстоун, в котором орудуют не маньяки и серийные убийцы, а какой-то чертов туман! Тебе это странным, случаем, не кажется?

Кир хотел возразить что-то еще, очевидно, не в мою пользу, но замолк на полуслове, чем несказанно обрадовал меня. И хотя он был вполне приличным человеком, иногда мне казалось, что он и Вторая Я могли бы быть отличной парой.

Я стала рассматривать заклепки на своих шортах в попытке себя хоть чем-то занять. *Нужно вернуться. Я не могу бросить друзей. Отлично, тогда умри вместе с ними. Не хочу. Эй, Аза, ты случаем не заметила, что словосочетание «не хочу» встречается в твоём репертуаре все больше и больше? Не хочу. Бери друзей и тащи их к дому Дэвида. Я устала, я хочу домой. Если ты будешь тут сидеть, домой ты точно не вернешься. И что делать? Брать под руки Соньку и Кира и возвращаться обратно, желательно до того, как этот туман нагрянет снова.* Дело говоришь, Вторая Я. Только ты постоянно забываешь, что тело-то у нас одно на двоих. *Какая разница, я хочу жить. Так что поднимай свою задницу и вперед и с песней.*

– Ребята, есть две новости, – я поборолла свою усталость и на покачивающихся ногах встала с земли, – хорошая и две плохих.

– Ты же сказала, что новости всего две, – удивилась Сонька.

– Какая разница, самое главное, что у нас наконец-то появились новости, – ошетинился Кир на девушку.

– Так, народ. – Я прокашлялась, – все это конечно чертовски странно, это явно не Аргентина, и нас, стоит признаться, занесло по полной. Начинаю с хорошей. Мы *можем* спастись. Теперь плохая: мы все идиоты.

– Можешь не продолжать, – парень закатил глаза.

– Нет, я продолжу. Последняя плохая новость: если мы хотим выжить, нам нужно срочно бежать к мальчишке.

Между нами настала гробовая пауза.

– А без этого никак нельзя? – наконец нерешительно произнесла Сонька. – Мы же его совсем... ну, не знаем. Может быть он нас на органы разберет и с кетчупом пожарит.

– Если бы он хотел это сделать, он сделал бы это двадцать три часа назад, не задумываясь, – тихо пробормотал Кир. Оглянулся и проводил взглядом большую упитанную крысу, юркнувшую в щель разрушенного дома. – Поэтому давайте положимся на этого странного типа. Хуже, думаю, быть уже не может.

Я была права: убедить ребят пойти обратно было равносильно тому, как заставить поверить маленького младенца в то, что феи существуют. Уже спустя пару минут мы шли обратно, насвистывая веселую мелодию и соображая, сколько времени все это займет и успеем ли мы до заката. Ну и заодно – наши действия, если мы вдруг *не* успеем до заката.

Сейчас самое главное – добраться обратно и убедить парня оставить нас у себя, а дальше уже будет видно, конечно, если у нас вообще будет это дальше.

Когда стало ясно, что ноги наши больше не станут нести чересчур тяжелые тела, а Сонька не захочет наконец заткнуться, мы кое-как выдохнули и решили сделать привал.

Зеленовато-золотое солнце прошло линию вертикального горизонта, и теперь неуклонно двигалось к земле, грозясь нам Выживанием В Прямом Смысле (ВВПС сокращенно, но Кир упрекнул меня в том, что это название не очень-то и вяжется, и вообще, сказал он, хватит фигню на палочке валять). Я наблюдала, как тонкие голые ветки деревьев вдали чуть покачиваются от ветра, окрашиваясь в яркий свет от лучей. Сонька, которая наконец соизволила заткнуться, блаженно разлеглась прямо на земле и уставилась на небо.

– Не больше десяти минут, – предупредила я, – у нас и так мало времени.

Я улеглась рядом с Киrom, положив голову ему на плечо. И если пару дней назад он не упустил бы возможность подтронуть надо мной, то сейчас он просто тихо вдохнул и шумно выдохнул, даже не повернув голову.

Интересно, мы вообще выберемся отсюда живыми? И выберемся ли вообще? Насколько я не хотела признавать очевидность факта о том, что теперь вот это «вообще» будет тянуться за нами по пятам, пока мы находимся в Слипстоуне, настолько я краем сознания понимала, что этого просто может не быть. Нас либо съест этот странный туман, либо мы завязнем в болоте и по своей тупости уйдем еще глубже.

Эй, я ведь даже элементарных правил выживания не знала! Я оглянулась на Кира, и он коротко кивнул, говоря этим, что наш привал закончен.

А потом меня осенила ужасная мысль.

Идя уже два с небольшим часа, мы так и не повстречали места, через которые проходили, когда уходили от Дэвида. А это означало только одно, самое худшее, что могло с нами случиться.

– Ох черт! – Кир резко вскочил, и я ударилась головой об плитку, когда он убрал плечо. – Черт, черт, черт!

– Что случилось? – Сонька прищурилась.

– *Мы заблудились.*

Этих двух слов оказалось достаточно, чтобы мы как подстреленные вскочили со своих мест и встали в строй, не обращая внимания на ноющую боль в коленях.

– И что теперь?! – пискнула девушка.

– Ты меня спрашиваешь? – ошетинился тот, – если ты не в курсе, мне самому интересно, что теперь.

Я машинально бросила взгляд на горизонт, и к своему великому страху отметила, что солнце спустилось еще ниже, став темно-зеленого цвета. Закат, которым прежде и не пахло, снова обрушивал на нас всю мощь.

– Мальчишка говорил, что «они» окружают город кольцом, – припомнила я. – значит, у нас по любому должно быть немного времени, чтобы спрятаться.

– Но куда? – спросила Сонька. – Повсюду одни руины. Оглянись!

Ой.

– Давайте попробуем спрятаться вон в том доме? – Кир пальцем показал на полуразрушенный домик, в высоту достигающий примерно десять-двадцать ярдов.

Мне хотелось заметить, что этот *домик* – одно сплошное скопление дыр, и что никакие прятки не принесут нам пользы, если сюда снова нагрянет туман. Но я ничего не стала отвечать и быстрым шагом пошла к месту назначения. Мы с Сонькой одновременно в мгновение ока юркнули внутрь, преодолев нависающие над нами доски, и, насколько это можно было сделать быстро, схватили с пола дощечатую перегородку и заткнули ею проем. Мы отошли на приличное расстояние и стали осматриваться, а Кир снял свою ветровку и плотно заделал ею остальные дыры.

Дом изнутри выглядел еще страшнее и угнетающе, чем снаружи.

В некоторых углах покачивалась паутина. Деревянные шкафы, комоды и прочие предметы быта были раскромсаны по клочкам и теперь лежали на полу под толстым слоем пыли. Вдали валялось треснувшее зеркало. Там, где была лестница, красовались пару сломанных ступеней и облупившиеся перила.

На стенах висели странные картины с надписями на непонятном нам языке. К нашему удивлению, это были единственные предметы, сохранившие свою целостность здесь. Я провела по грубой шероховатой поверхности пальцем и ощутила плотный комок пыли на подушечках. Почерк был неразборчивым и, помимо английских букв, состоял из каких-то странноватого вида иероглифов. *Здеишний язык*, – промелькнула в голове мысль.

В воздухе пахло сыростью и непонятной тревогой. Мы все втроем переглянулись, и Сонька указала наверх.

Кир запрыгнул в узкий проем быстрее, и дождавшись, пока мы вдвоем залезем на самую высокую сохранившуюся ступень, поочередно подал нам руки и помог забраться наверх.

Я схватилась за край проема, второй рукой помогая себе подтянуться. А потом перекинула ногу и уселась в пыль, шумно дыша.

– Ну вот и приплыли, – я обзрела «второй этаж», по виду не отличающегося от «первого». – Какие наши дальнейшие планы?

– Выжить, – съязвил Кир.

– Ну или понять, что мы сошли с ума и сейчас находимся в какой-нибудь коме, а это все – иллюзия мозга, – добавила Сонька.

Я в ответ что-то неразборчиво пробурчала про то, что, может быть, мы вообще умерли, и это место – Ад. Или Рай? В любом случае, наши представления о Рае могли быть довольно обманчивыми, ведь рассказывали о нем живые, те, которые в нем еще не были.

Спустя полчаса мы все сошлись на едином мнении, что, если повезет, – эта ночь для нас станет не последней, если вообще станет. Я предложила следить за «жизнью» Слипстоуна через окно, Сонька побоялась спускаться вниз одна, так что теперь она стояла у провисшего балкона и смотрела в щели заколоченных досок в проем, краем глаза поглядывая, как Кир не спеша спускается вниз.

Когда все были готовы и заняли свои места, а на город стала плавно ложиться ночь, я отошла от окна и попыталась разглядеть в этой тьме время на своем треснувшем экране циферблата. Странно, часы показывали то последнее время, когда мы попали сюда – три часа и тридцать одна минута утра. Обычно мои часы никогда не ломались и тем более не останавливались,

но теперь почему-то в голову ко мне закрались пару доводов о том, что часы, все-таки, «умирают» вместе с хозяином. Я даже проверила исправность: индикатор заряда горит зеленым, что явно говорит о том, что они не разрядились.

Я села рядом с треснувшим деревянным подоконником и потеряла виски. М-да. Спящий город... Который даже не спит.

Соньки в темноте было не видно, но было слышно, как она возится, пытаюсь хоть что-то рассмотреть в темноте. Наивная. Она ничего не видит, а за ней, там, внизу, могут наблюдать с тысячу бесцветных глаз.

Наконец девушка шумно выдохнула, и по скрипу половиц я догадалась, что она села на пол.

– Мне страшно, – прошептала она из другого угла, и ее тихий сбивающийся шепот показался мне криком в немой тишине. – Даже боюсь представить, что будет, если нас найдет этот треклятый туман.

– Нужно просто сидеть тихо, – прошептала в ответ я. – Может быть, нам повезет.

Сонька вроде успокоилась и перестала шмыгать носом.

А потом произошло сразу два события, заставившие подскочить мой пульс почти до критических отметок и заставить мозг в панике метаться в поисках решения.

С окна, через который тянулась внушительная трещина от угла к углу, стал просачиваться мягкий синеватый свет...

А потом за ним последовал оглушительный удар, и я услышала тихую ругань Кира.

Мысли разом спутались, в животе все сжалось в тугую узел. Я с трудом поднялась на дрожащих коленях и, слегка отодвигая рваную темно-синюю шторку, заглянула в окно...

Слипстоун изменился буквально до неузнаваемости. И, к сожалению, в худшую сторону.

Откуда-то на улицах появились какие-то полупрозрачные фонарные столбы, которые и давали мягкий синеватый свет. Дыры в домах заделали полупрозрачные облака, превратив их в нормальные жилые приспособления с такими же полупрозрачными газонами и деревьями. Вместо потрескавшейся плитки на улицах «выросла» синяя трасса, а по ней...

Я потеряла глаза, не веря в происходящее.

Нет, такого не может быть!

По ней ходили самые настоящие чудовища.

Такие же полупрозрачные, как и всё, что их окружало, с длинными передними конечностями и пастью с огромными свисающими языками, тянущимися за ними, как длинный шлейф. Некоторые из них были одеты в офисную одежду со строгим красным галстуком или бабочкой, некоторые носили бесцветные платья, некоторые – кепки с «вертушками», а у одного некрупного чудовища я смогла разглядеть школьную форму эдак годов сороковых.

Я уже хотела было закричать, как кто-то с такой чудовищной силой вцепился в меня всеми конечностями, что я и забыла, как дышать.

– Отлепись от Азы! – Кир, который в мгновение ока взлетел на второй этаж, попытался успокоить брыкающуюся Соньку и прижал ее к своей груди. – Все хорошо, слышишь?! Это кончится. Обещаю, все будет хорошо.

– Сделай так, чтобы она не начала реветь, – шепотом взмолилась я, прикрывая окно шторой, – а то ты успокаиваешь ее так, словно хочешь сделать с точностью до наоборот. Иначе нам всем придет полная крышка!

Лицо Соньки, подсвеченное синеватым цветом, покраснело от смущения. То есть, видимо, став ярко-фиолетовым.

Я повернулась к окну обратно, всматриваясь в каждого чудовища, а потом какая-то неведомая сила заставила меня обернуться назад. Сквозь просвечивающие голубые лучи, освещающие ребят, я увидела, как Кир нежно гладит ее по спине и что-то совсем тихо шепчет, а

Сонька только быстро кивает в ответ. Надо же. Не больше пары дней назад она подтрунивала над ним насчет влюбленности, а теперь...

Как бы там ни было, «миссия» стояла куда серьезнее. Я снова подлезла за край шторы и стала наблюдать.

Теперь мимо чудовищ проходили почти прозрачные люди. Рабочие, художники с кистями, мамы с колясками, «офисные крысы» и даже механики. Они шли с настолько каменными выражениями лиц, будто бы не замечали ни идущих чудищ, ни, по крайней мере, трех странноватого вида подростков, прячущихся в руинах заброшенного дома.

БАМ.

Все, что окружало нас, разом подскочило от внушительного удара, который последовал откуда-то снизу.

Я быстро отскочила от окна, чуть не зацепившись о косяк. Сонька сжалась. Кир снова выругался.

– Что это было?! – я трясущимися руками попыталась нашарить в своем рюкзаке телефон. Он нашелся на самом дне под многочисленными предметами, и я выставила его вперед, как меч, освещая небольшой клочок пространства.

Ну все, Аза. Мы все умрем!!! Ты-то откуда знаешь? За все шестнадцать лет твоего существования ты так и не научилась признавать очевидное. Да что ты. Это все настолько очевидно, как очевидно то, что у тебя на голове растут коротко остриженные рыжие волосы. Вторая Я, мы вроде это обсуждали. Как у мальчишки, только чуть длиннее. ВТОРАЯ Я. И одноклассницы дразнили тебя парнем из-за того, что ты не любишь краситься. ХВАТИТ. Это же очевидно. Так же очевидно, как то, что мы все умрем.

Я в ужасе закрутила головой, как олень, увидевший летящую на него машину. Раздался еще один мощный удар, а потом – то, что окончательно заставило протрезветь наши мозги и начать думать залезть на крышу. Подобие двери на первом этаже пару раз скрипнуло, нарушив гробовую тишину, а потом разлетелось в щепки, разбросавшись на много футов вперед.

– Господи! – Сонька закрыла руками глаза, – мы точно все умрем!

– погоди! – Кир отстранил ее от себя, легонько побил по щекам и потряс за плечи; обернулся на меня, как бы оценивая, не впала ли и я в панику, а потом отрывистым тоном произнес: – никто тут не умрет и умирать не собирается. По крайней мере я и Аза. *Да, АЗА?*

– Конечно, – пробормотала я, чувствуя, как все мое тело отплясывает тумбу от страха.

– У нас был план «А»...

– И мы его проворонили.

– АЗА. – Кир потер переносицу, – ну ладно, может быть, мы его проворонили. Но у нас есть план «Б».

Сонька с надеждой посмотрела сначала на Кира, потом на меня.

– И какой же?

БАМ.

Подобие шкафа, который стоял у «дыры» в полу, с шумом грохнулся, и мы услышали звук разбивающего стекла и чьи-то неторопливые быстрые шаги...

– *БЕЖАТЬ!!!* – заорал Кир, и, размахиваясь, выбил рукой стекло.

Сонька на адреналине выпорхнула в окно первая, я пролезла следом.

Я развернулась и боком, держась за выступы в стене, стала продвигаться по скользкой черепице. Ноги постоянно соскакивали и петляли, пару накладок не выдержали гнета моих кроссовок и съехали на пару миллиметров вниз. Я оглянулась на девушку, которая маленькими спешащими шагами двигалась ко мне.

– Где Кир?! – я остановилась.

Сонька покрутила головой.

Внутри меня все рухнуло.

3

– Я не видела, чтобы он выходил, – я попыталась развернуться, но нога предательски соскользнула с крыши, и я почувствовала, как начинаю падать.

Ноги оказались где-то посередине от линии черепицы, когда рука наконец-то среагировала и ухватилась за свободный край. Я въелась всеми пальцами в рыхлое покрытие, и, насколько это было возможно, попыталась сдержать крик.

– Аза! – Сонька одним прыжком подскочила ко мне и схватила за свободную руку. – Черт возьми, как ты умудрилась?!

Мое тело настолько парализовалось от страха и осознания того, что я вот-вот грохнусь прямо на голову какого-нибудь чудовища, что забыло, как говорить на родном английском.

– Аза, твою мать! – Сонька уперлась ногами в край черепицы и потянула меня на себя, – если ты будешь болтаться как дохлая сосиска, я брошу тебя! Честно!

Я кивнула и попыталась перекинуть ногу на край. Не особо хорошо сработало, но, тем не менее, теперь я могла свободно балансировать благодаря Соньке. Я собрала в кулак остаток своих сил и с грохотом повалилась на крышу.

Теперь я смогла оценить ситуацию более трезвым видом, нежели чем тогда, когда стояла у окна и вглядывалась в морды чудовищ. Воздух изменился, в нем отчетливо ощущались запахи каких-то едких испарений. Глаза щипали и слезились. Все, что еще днем выглядело как гряда кирпичей, обволокло полупрозрачными облаками и превратилось в нормальный город в синих тонах. Кажется, теперь я стала понимать, почему этот город называли спящим.

– Теперь бежим за Киром, – Сонька развернулась, и мы на трясущихся ногах стали возвращаться обратно к окну. И хотя в такой ситуации мне пришлось бы много драматизировать, я услышала, как голос девушки дернулся.

Я понимала, что Кира, возможно, уже нет в живых. Я также понимала, что и мы в ближайшие пару часов можем стать обедом для полупрозрачным монстров, снующих по городу.

Зеленоватого цвета луна только недавно встала «посередине» неба, и любому дураку было понятно, что до рассвета еще не скоро. Но прежде чем я попробовала прикинуть, сколько же времени нам нужно на то, чтобы продержаться до спасительного рассвета, я услышала Сонькин сдавленный крик.

– Сюда! – девушка махнула рукой и стала пролезать в дыру. Следом за ней потрусил и я, преодолевая многочисленные преграды в виде обломков досок и острых кирпичей.

Когда мы оказались в доме, я и не сразу поняла, что же шевелилось на полуразвалившемся бревенчатом полу. Именно так: шевелилось, еле-еле, потому что «оно» не могло сделать ни одного резкого движения. Мозг отказывался признавать очевидное. Сонька, которая быстрее меня подлетела к бедному Киру, окончательно развеяла сомнения.

– Кир! – я тоже подбежала и плюхнулась рядом.

Он лежал, опираясь локтем о низкую полку. Одна из ног была неестественно завернута в другую сторону, словно он нелепо упал с высоты, майка порвана в двух местах. Из одной из них сочилась вязкая кровь, вокруг дырки все потемнело от жидкости. Парень тяжело дышал.

– Мы не сможем идти дальше, – Сонька пожала плечами и порылась у себя в рюкзаке. Спустя секунду в ее руках блеснуло острое лезвие ножа. – И, хотя я не знаю, чем защищаться, думаю, *это* нас может спасти.

Ну конечно может. От тварей с огромными пастями очень хорошо отбиваться ножом для масла.

– Что ты так смотришь?! – девушка хмыкнула, – если ты так недовольна – предлагаю найти другой вариант.

– Да я бы с радостью, – заметила я, – но, если ты не забыла, мы находимся в неизвестном городе черт знает где, не имея представления даже о том, где есть хоть какая аптека.

Сонька что-то прохрипела в ответ и сделала круглые глаза. А потом странно скосила взгляд в сторону парня, и теперь я догадалась, что это он пытался что-то сказать.

– Больно, – Кир тяжело вздохнул, – не очень глубокая рана. Нам нельзя задерживаться. Идем. *Сейчас*. Только погодите. Я встану.

Он снова глубоко вздохнул и попытался подняться по стенке, но сдался на середине пути, морщась от боли.

Я вздохнула и пробормотала как идиотка:

– Похоже, ты не сможешь идти. Остается переждать тут, – как будто мы с Сонькой не догадывались, что он не может идти.

– Я с Киrom, – воскликнула Сонька, и, смутившись, добавила: – а ты иди. Если что – зови.

Прогнившие половицы заскрипели у меня под ногами, когда я стала медленно удаляться от ребят. Но даже в темноте я чувствовала ту нить, которая постепенно натягивалась между Сонькой и Киrom, не давая им провалиться в бездну отчаяния.

Существа не кончались, наоборот, их стало в разы больше, чем было после заката. Они заполнили собой все улицы, все перекрестки и все дворики, которые только были в моем поле зрения.

Теперь на дорогах стали мелькать проезжающие машины, грузовики и «газели». Все они были такими же полупрозрачными и синими, словно художник, нарисовавший Слипстоун, изначально задумал создать его только в сине-голубых тонах. Он также, несомненно, «скопировал» лицо одного из чудовищ и «прилепил» их на других, так что теперь эти монстры различались между собой самыми малыми деталями.

Казалось, я уже стала привыкать к этой странноватого вида процессии, как вдруг со всех углов бесконечного города стал слышаться протяжный не то вой, не то крик, от которого моментально леденела вся кровь в жилах. Кто-то невидимый словно предупреждал нас об опасности, которая должна была вскоре нагрянуть.

Существа все разом встрепенулись; дети-чудовища стали тянуть своих «мам» за руку по направлению к домам, машины остановились. Я поняла, что сейчас, скорее всего, наступит кошмар.

Еще больший кошмар, ты хотела подумать. Ну, по сравнению с этим воем, существа – никто. Аза, ты находишься в окружении страшных монстров, один из которых чуть живьем Кира не проглотил. И после всего этого ты называешь их «никем»? Вторая Я, все не так уж и плохо. Нет, все просто ужасно плохо. Аза, знаешь, что я в тебе ненавижу? Нет и знать не хочу. То, что ты постоянно из слона делаешь муху, уж прости за перестрой выражения. Это самое тупое, на что способен шестнадцатилетний подросток.

Не дав договорить себе самой, я тихо подкралась к ребятам и толкнула, по своему мнению, спящую Соньку, которая покоилась в объятиях Кира.

– Эй, влюбленная, – я дождалась, пока она окончательно проснется и покраснеет до кончиков волос, нелепо отодвигаясь от парня и пытаясь не разбудить его.

Но прежде чем я успела вставить хоть что-то, протяжный вой повторился снова, только теперь еще громче.

– Ох черт, – Сонька скинула с себя остатки своего сна и спустя секунду стояла на ногах. – А что, если это...

– НЕ ДУМАЙ. – Я попыталась изобразить улыбку. – ПРОСТО. НЕ. ДУМАЙ. ОБ ЭТОМ.

Очевидно, Сонька и так поняла, кто, а вернее что, может стоять за этим странным оглушающим воем, и даже попыталась озвучить свою мысль, но я не дала ей это сделать. Ну вот опять добрая половина Азы Джонсон пытается направить эту ситуацию в более мирное русло.

– Нужно разбудить Кира и уносить отсюда ноги, пока еще не поздно, – пробормотала я. Сонька подняла одну бровь вверх:

– У него рана дюйма с три в глубину, думаешь, мы утащим парня, который весит больше, чем я?

– Но *должен же быть* какой-нибудь выход...

– Выхода нет, – девушка беспомощно осела на пол и стала гладить Кира по его спутанным светлым кудрям, – единственное, что мы сейчас можем – это ждать чуда, которое, вероятнее всего, не случится. Тут вообще, если ты заметила, мало чудес случается. Мальчишка, который нас спас – всего лишь чистая случайность, а иначе бы мы уже варились в котелке в Аду.

Мальчишка, от которого ушли ВЫ, никак иначе, оставив НАШИ задницы на произвол судьбы, – чуть не ляпнула я в порыве ярости.

Что сказать на это? Мы все втроем прекрасно знали, что спастись нам удастся с самым минимальным процентом, если вообще удастся спастись, но что делать дальше? Так же слоняться по бескрайнему Слипстоуну? Или кричать и звать на помощь? Оба варианта казались мне ужасно глупыми, но я все-таки переборола свою нерешительность и потянулась рукой к Киру.

– Что ты делаешь? – прошипела девушка, отталкивая меня. – Он сейчас настолько слабый, что в любой момент может умереть.

Я усмехнулась:

– А ты разве не видишь? Я хочу разбудить его, чтобы мы могли унести свои кости живыми.

– Я никуда не пойду.

Я хотела ответить ей что-нибудь по-настоящему ядовитое, но гнев, неожиданно охвативший меня от пальцев ног до кончиков волос, не дал вставить и слова. Это из-за них мы сидим в этих дурацких руинах в окружении кучи чудовищ! Это из-за них мы теперь не знаем, как спастись! Это *из-за* них, черт возьми, мы прикидываем свои шансы на выживание!! Мне так хотелось указать ей на все это, но добрая Аза Джонсон победила снова, и вместо этого я лишь смогла уставиться на Соньку самым испепеляющим взглядом, который только был у меня в арсенале лжемасок.

– Тебя тут никто не держит, дверь – вон там. Иди на все четыре стороны, раз уж так чешется, *подруга!*

– *Отлично!* – я всплеснула руками, – пока.

И с этими словами стала потихоньку удаляться от места, где свою смерть встречал бедный-бедный Кир.

Я спрыгнула с ветхих подобий ступенек, которые еще остались в этом некогда жилом доме, и на цыпочках направилась к «выходу». Сверху послышалось недовольное бурчание.

Идиотка, ты что делаешь? Не видно, что ли? Ухожу от «подруги», которая решила остаться сдыхать. *У тебя совсем крышу снесло.* Не забывай, что ты – это тоже я. Следовательно, и у тебя *тоже* снесло крышку. **ВЕРНИСЬ ПОКА НЕ ПОЗДНО. СЛЫШИШЬ, ВЕРНИСЬ. Я СКАЗАЛА, БЫСТРО. ВЕРНИСЬ!!! ТЕБЯ РАСЧЛЕНЯТ, ЗАПИХНУТ В МОРОЗИЛЬНУЮ КАМЕРУ И СЪЕДЯТ!!!**

Я выглянула в узкую щель между заменяющих дверь досок, и с удивлением отметила, что Слипстоун вернулся в свое прежнее положение. Исчезли полупрозрачные беседки, дома снова превратились в полуразвалившееся нечто, чудовища, которые окружали нас со всех сторон, пропали. За концом горизонта небо светлело, что означало, что мы успешно пережили эту ночь.

Я вышла в прохладное лето, вдыхая зловонные пары, и оглянулась. Надо же, мы смогли выжить в этой развалюхе – просто чудо, которое случилось, хотя и не должно было случаться. Разрушенная плитка чуть поскрипывала, пока я обходила весь «дом» по его периметру. Повсюду валялись разные куклы, записки с непонятными и размазанными буквами, остатки

быта, словно тот, кто здесь жил, перед тем, как покинуть Слипстоун, разбросал все вокруг для пущей картины.

А потом меня осенила одна мысль.

Что, если Слипстоун раньше имел свою историю? Что, если раньше он не носил это жуткое название?

Что, если все те, кто бродил всю эту ночь – его духи?

Конечно, нетрудно было догадаться, что здесь однажды случилась огромных масштабов катастрофа, и жители просто-напросто погибли или ушли прочь. Я нагнулась и подняла плюшевого мишку без одной лапы и глаза. Но кто мог это все спровоцировать? И почему его нету на карте?

Солнце уже окончательно показалось над землей, когда я собрала остатки своей решимости в кулак, и, пулей взлетая к Соньке, встала в позу а-ля королева и изобразила уверенность на лице, хоть меня и выдавали подрагивающие от страха веки.

– Собирайся, – объявила я, осматриваясь в поисках доски, куда можно было положить Кира. Таковой не нашлось, зато за три секунды, которые Сонька потратила на то, чтобы осмотреть меня со стороны умственно отсталого человека, я присмотрела одну из сторон ветхого шкафа и веревку, валявшуюся рядом.

Лучи, которые закралась в комнату и осветили пыль, явили мне еще большую картину ужаса.

У Кира была огромная рана, и неизвестно, как он прожил с ней эти долгие часы. Было ощущение, что ее нанесли каким-то острым предметом, ножом или клинком. Майка, где кожа была разделена надвое, пропиталась кровью и стала темно-коричневого цвета.

– Ему сейчас реально гадко, – наконец прошептала Сонька без намека на сарказм. – Не знаю, сколько он продержится... Конечно, прости, что наорала на тебя, но нам действительно нельзя здесь оставаться.

Я кивнула, и девушка, бережно положив голову Кира на подстеленную худи, подошла к шкафу. Мы стали поочередно долбить ботинками места, где одна из досок была скреплена с остальным каркасом. Скоро она, покачнувшись, с грохотом упала на пол.

Сонька приподняла голову и торс Кира, и я пододвинула под него доску. То же самое мы проделали с ногами, и в скором времени уже волокли сею ношу по полу за веревки, держа за противоположные концы этой дряхлой конструкции.

За время, пока мы корячились и пытались вынести из дома нашего полуживого друга, воздух достаточно нагрелся для того, чтобы понять, что утро уже наступило.

Выживание продолжается.

Для людей, которые последний свой глоток воды сделали несколько дней назад, мы держались на удивление бодро и храбро. То есть, «бодро» – это еще хорошо сказано. Все то время, пока мы шли и волокли доску с Киrom, мы просто изнывали от жажды. Но потом я нашла в своем рюкзаке завалившуюся бутылку воды, и мы разом ее осушили, оставив немножко про запас.

Солнце взошло еще на четверть, осветив всю пыль, витающую в воздухе. И если пару дней назад, когда мы сюда попали, от нее и духу не было, то теперь создавалось такое ощущение, будто весь город встряхнули, как покрывало, и выпустили все залежи пыли наружу.

Кир лучше себя особо не чувствовал. Только изредка приоткрывал глаза, смотрел невидящим взглядом на нас поверх очков, и снова, привалившись поудобнее, погружался в полудрему. Иногда он стонал. Сонька в такие моменты сжималась и нахохливалась, как беззащитный воробушек, и я видела, как у нее тряслись руки.

Один раз Кир, во время нашего привала, чуть слышно попросил воды, и Сонька тотчас кинулась к прозрачной пластиковой бутылке. Но когда она поднесла горлышко к потрескавшимся губам парня, тот уже впал в протрацию и чуть слышно посапывал.

Спустя пару таких выпадов, она не выдержала и расплакалась.

– Ну ты что, – я ободряюще положила руку ей на плечо, – как говорится: «сон – лучшее лекарство». Да?

Я ощущала себя отсталым идиотом во время того, когда говорила эту фразу. Одному дураку будет не понятно, что Кир может умереть в любую секунду из-за такого ранения.

– Наверное, – она вытерла лицо тыльной стороной ладони, размазав остатки черной туши. – Но, черт возьми, что, если он...

– Нужно надеяться, забыла?

Сонька часто закивала и ударилась в плач, а я снова ощутила укол вины.

– Ну, Сонька, – я села рядом с ней, – я уверена, все будет хорошо. Мы вернемся домой в Каролину, как только найдем выход отсюда. Сюда же как-то попали.

Ответом мне стал невидящий взгляд девушки в пустоту.

Я отложила занятие, и на всякий случай отодвинулась от Соньки, которая снова принялась рыдать над Киром. Протянула руку, чтобы взять рюкзак, и она... уперлась в плитку?!

Я резко оглянулась, и глаза подтвердили догадку: рюкзак действительно отсутствовал. Зато в пыли отчетливо угадывались чьи-то следы, уходящие за поворот...

– Я сейчас приду, – я быстро встала с земли и зашагала по следам. Сонька даже не отреагировала.

Шаг, второй, третий... Воспаленный мозг почему-то стал вырисовывать чудовищные образы, которые мне даже в страшных снах не снились, а вторая Аза Джонсон снова упорно попыталась меня остановить.

Я отошла на довольно большое расстояние от ребят, и, на ходу вынимая ножик, который я взяла из магазина, вылетела в поворот и выставила его вперед. Тут же будто со всех сторон послышался ропот, ящик, стоящий у одного из домов, «завозился». Я успела среагировать и прижать его сверху, прежде чем оттуда вырвалось бы какое-нибудь нечто.

Руки сильно затряслись, когда оттуда послышался характерный звук царапания и клацанья зубами. А потом чей-то крик, раздавшийся с конца улицы, заставил заработать мои шестеренки в мозгу не в том направлении...

– Оставь его!

Я резко обернулась и открыла рот от удивления.

Он не изменился. Такие же черные, как смоль, растрепанные волосы, те же очки с трещиной в одном из оправ. На торсе завязана повязка, свисая чуть выше колен, говоря, что с единственной цивилизацией в этом городе – штанами, – связь утеряна. К левой щиколотке, а точнее культе, привязана толстая проволока-крюк, служащая, по-видимому, «второй» ногой.

Синее существо с шипами, сидящее у Дэвида на левом плече, встрепенулось и издало утробный звук.

– Какие люди! – наигранно воскликнул он, приближаясь ко мне. – И вы еще живы?

– Представь себе. – Я скрестила руки на груди.

И в этот момент крышка ящика отлетела в сторону, и оттуда выскочило второе, темно-серое существо сродни крысы и опоссума вместе взятых, с моим рюкзаком в острых зубах. Оно в мгновение ока запрыгнуло к мальчишке на плечо и уселось на второе свободное место, недоверчиво поглядывая на меня своими черными большими глазами.

– Ох, познакомься, это Бу. – Он рукой указал на синее нечто, и, вырывая мой рюкзак у второго из пасти, попутно заговорил: – А это Друг.

Из меня вырвался смешок, когда этот самый Друг попытался тяпнуть его за мочку уха.

– Кажется, он не такой уж и «друг».

– Не бери в голову, – сконфуженно оповестил Дэвид.

Дальше мы просто уставились друг на друга, смотря прямо в глаза, и не зная, чем продолжить разговор. Наконец мальчишка встрепенулся; глянул сначала на рюкзак, потом – на меня, и вручил мне его в руки.

– Прости нас, – я выдохнула, – теперь я действительно понимаю, что без тебя нам не выжить. Эта ночь была ужасной.

Дэвид отмахнулся:

– Да ладно, не нужно извинений. А вот сегодня ночью было Новолуние в Слипстоуне, это событие случается достаточно редко – раз в один-два года. Но вам повезло, и, причем, в хорошем смысле. Это были всего лишь духи оставшихся тут неуспокоенных. Хуже было бы, если бы *они* снова стали терроризировать город.

Я рассказала ему про все, что случилось. Не умолчала и про Кира, и про Соньку, которая с ума сойдет, если никто не поможет парню. Дэвид слушал внимательно, изредка моргал и откидывал лезущие в глаза волосы назад, а потом, после моего последнего слова, однозначно произнес:

– Ты хочешь, чтобы я вам помог?

– Прошу тебя, – я стала теревить лямку рюкзака, – без тебя нам реально не справиться. Серьезно. У нас же есть родители в Каролине, родственники всякие, – я умолчала про то, что родственников-то, возможно, уже и нет, – да и мы хотим жить. Прошу тебя.

Он ничего не ответил. Только кивком указал тот путь, который нам предстоит преодолеть.

4

– Итак, с этого момента вы – моя правая рука. Конечно, пока что еще левая, даже похуже культи, но, чтобы *выжить*, придется стать этой самой правой. Ясно?

Мы сидели за на редкость сохранившимся для этой местности столом и во все глаза глядели с Сонькой, как Дэвид мешает странную жидкость в деревянных мисках. Посередине стола стояла свечка, освещающая минимальную часть пространства. С левого угла раздавались чуть слышные посапывания Кира, который теперь чувствовал себя, наверное, гораздо лучше.

– Итак, – Дэвид улыбнулся и потряс миску с сине-зеленой вязкой жидкостью, – приступим. Самое банальное – заживляющая мазь – делается не очень-то и легко. Используется плоть аликвид, – он указал на Бу, мирно греющегося у свечи, – но их, зараз, не так-то легко и поймать – прячутся больно ловко. Бу ручной, и он используется в качестве приманки. Я сажаю его в клетку, и он подает сигналы о «беде», с помощью которых на место назначения ползут другие аликвиды. Ну а дальше, понимаете ли, остается взять их готовенькими и горяченькими.

Он усмехнулся своей же шутке, и мне, кажется, показалось, но он чуть видно улыбнулся и снова скосил взгляд на странную жидкость.

– Дальше: листья одного из растений, которых я выращиваю у себя в саду на окраине города. И самое сложное.

– Что же? – полюбопытствовала Сонька, первый раз подавшая признаки нормальной жизни после ранения Кира.

– Часть тумана. Звучит жутко, да и из-за этого я лишился конечности, но, чтобы выжить, как я сказал, нужно чем-то рисковать.

Мы с Сонькой переглянулись, и только сейчас я поняла, что могло было бы остаться от моей ноги после того, как я упала прямо перед носом тумана.

А потом вторая Аза Джонсон, которая каким-то образом все это время не подавала признаков присутствия, наконец-то оживилась и в самом саркастичном тоне спросила меня, что было бы, если бы он не стал меня спасать. Но я отвечать *ей* не стала. Ведь это уже прошло, а значит, не так важно.

– Теперь второй предмет, который вам также необходим – пару луков и стрелы. А еще, конечно же – ручной выдуватель, – парень указал рукой на деревянный шкаф, на полке которого хранилась штука, похожая на барометр, компас и часы вместе взятые. – Такие сложно сделать, очень сложно даже для меня. Поэтому у нас теперь один выдуватель на четверых. Вот из-за этого нам нужно держаться группой.

Потом Дэвид сказал, что играть здесь мы должны только по правилам Слипстоуна, что этот город не потерпит зевак и чересчур строптивых и много о себе возомнивших. Он продолжал рассказывать даже тогда, когда наносил на рану в животе Кира заживляющую мазь по второму слою и записывал какие-то формулы одновременно с этим.

Его дом не был похож на привычные всем коттеджи. Он состоял из множества хитросплетенных между собой коридоров, где почти в каждом на окнах стояли всевозможные решетки и забитые наглухо доски. Этажа было всего два, но много комнат пустовало. В остальных нескольких комнатах в основном было навалено куча всякого барахла и пару предметов привычного американскому школьнику быта.

Сонька ушла спать раньше меня к Киру в комнату на втором этаже, которая представляла из себя одну большую залатанную вдоль и поперек кровать и шкаф с книгами, а мы с Дэвидом остались в гостиной.

Тусклая свеча еле-еле освещала четверть комнаты и часть торса парня, который копался в ящике с какими-то принадлежностями. Мне хотелось его спросить, как он здесь оказался. Как он научился выживать и жить бок о бок с самым опасным, что я когда-либо видела. Были ли у него родственники, родители? Или он был сирота?

Я раскрыла рот, чтобы спросить часть вопросов, которые меня мучали достаточно давно, как вдруг он, вздохнув, тихо произнес:

– А знаешь, ты похожа на мою сестру.

Я вздрогнула. Дэвид обернулся.

– Резко, конечно, – он виновато улыбнулся, – но ты так похожа на Эмили. Такие же короткие рыжие волосы, такие же большие карие глаза и густые ресницы. Даже форма лица и одежда похожи. – Он снова принялся копаться в ящике и выставлять по периметру комнаты хитрые сооружения. – Наверное, это единственное, почему я вас решил взять...

– Мне жаль, что ее нет рядом с тобой, – я уставилась на дощатый пол, – что случилось?

И вот тут-то по тому, как парень весь сжался и притих, я поняла, что сморозила что-то поистине идиотское. Я думала, что он сейчас разгорячится и заставит нас убраться отсюда во второй раз, пока он не протянул руку к одной из полок и, бережно беря оттуда рамку, подошел ко мне. Волосами он завесил лицо, но я догадалась, что он не смог сдержать эмоций.

– Ей было восемнадцать, а мне – чуть больше десяти, когда мы попали сюда. – Он замолчал. Откинул волосы назад и пожевал нижнюю губу, уставившись на догорающую свечу. – Это было... восемь лет назад... Я тогда обрадовался, что мне не придется лететь к тете в Аргентину, обрадовался, что наконец-то меня настигли приключения. Конечно, не долго радовался... Мы учились выживать, она изобрела заживляющую мазь, транквилизаторы и еще много немало-важных штук. Пока однажды не зашла слишком далеко...

Я почувствовала, как мое сердце начинает биться чаще раз в сорок. Ладони вспотели. *Восемь лет назад...* Пресловутые экранчики на борту вещали, что именно *спустя восемь лет* этот рейс повторился снова.

Он замолчал и с силой сжал челюсти так, что они у него побелели. На глазах снова выступили прозрачные слезинки, но Дэвид быстро снял очки и вытер лицо тыльной стороной единственной ладони.

– Я попытался ее спасти... Попытался... Я помню, как держал ее за руку, и она кричала от чудовищной боли, ее тело было наполовину в тумане, который буквально пожирал ее. Половина тумана прокралась сзади и стала растворять мою ногу под действием кислоты и прочих

элементов, а я все держал ее, кричал от боли и бессилия. Держал, пока она полностью не скрылась в тумане...

Парень снова осекся, только на этот раз он уже не стал скрывать боль, и просто тихо уткнулся лицом в свои ладони. Я не знала, что сказать ему. Утешить бы смелости не хватило. Впрочем, я даже не знала, как можно утешить того, кто знает тебя от силы пару часов и говорит, что ты похожа на его мертвую сестру.

– Мне удалось вырваться, – наконец Дэвид отстранился от ладоней и снова приобрел невозмутимый вид. Потом быстрыми движениями развязал повязку на ноге.

Мне представилось ужасное зрелище, которое я только могла увидеть за все свои шестнадцать лет. Нога, начиная от колена и заканчивая щиколоткой, была вся изрубцована и изуродована так, что казалась гораздо тоньше правой. У щиколотки это подобие жизни заканчивалось, где вслед был намотан железный «круг», выполняющий функции ступни.

Увидев, как я дернулась, Дэвид поспешил замотать ее обратно.

– Но у меня до сих пор хранится ее фотография.

Он протянул мне фотографию в красиво выгравированной рамке, и я увидела на ней смешно улыбающуюся девушку, сидящую на камне в белом летнем платье в горошек. Её рыжие волосы растрепались и больше походили на ершик для унитаза, но она так задорно и беззаботно улыбалась, глядя в объектив, что мне стало ее жаль по-настоящему.

Дэвид бережно взял из моих рук рамку:

– Это было восемь лет назад. Долгих, мучительных восемь лет назад. Я вижу ее каждую ночь в Новолуние, и от этого мне становится еще больнее, что она стала никем и не может найти свое пристанище. Она иногда зовет меня протяжным воем...

– Ты не можешь подойти к ней? – спросила я, и мне захотелось откусить себе язык.

– Увы, – он грустно улыбнулся, – среди призраков есть и те, кого не мешало бы взашей прогнать. Пырнут вполне реальным ножом – и все, поминай как звали. Эмили всегда была жизнерадостной, но, кажется, и в ней тоже живет какая-то темная сущность.

Дальше мы просто устали на свечку, не в силах продолжить разговор. Почему-то я почувствовала себя чересчур гадко и мерзко. Я подумала, что он, наверное, каждый вечер плачет над этой фотографией, вспоминая все моменты с этой Эмили. Она же была ему сестрой, сестрой, которую он по-настоящему любил и почитал, и вот ее нету с ним уже восемь лет. Рана начала затягиваться, а тут объявилась я, точь-в-точь похожая на покойную сестру, и у него снова что-то перемкнуло в душе.

Я вдруг испытала почти непреодолимое желание потянуться к нему и обнять, посмотреть в его бездонные карие глаза и утешить, сказать, что все будет хорошо. Какая-то неведомая сила будто тянула меня к нему.

Но я не сделала это, просто тихо сказала, что очень устала, и пошла по лестнице на второй этаж под его всхлипы, которые еще долго не прекращались.

Следующий день не обещал ничего хорошего. Хмурые пепельные тучи сгрудились над Слипстоуном, говоря этим, что солнечная беззаботная погода отменяется. Резко похолодало. Дэвид, который вчера был не очень-то и рад нашему вторжению, сегодня выглядел еще более мрачнее.

На столе в тарелках нас ожидало какое-то зелено-синее желе, и, к сожалению, на запах и на вкус оно было таким же, как и на вид. Смотря, как парень ест это за обе щеки, нас с Сонькой поочередно выворачивало наизнанку. В конце концов он сдался, и бодрым будничным тоном объявил, что после завтрака мы отправимся собирать ягоды.

Мы шли извилистой плиточной дорогой, которая вскоре стала редеть и в конечном итоге у конца города превратилась в еще влажную от ночного дождя почву. Дома остались позади. Мы шли втроем (Кир был довольно слабым, чтобы улепетывать в случае опасности, да и вообще, он пожелал остаться в этом странном особняке, прогнав нас из комнаты отборной руганью), и у меня в мозгу Аза Джонсон кричала во все горло: *какого хрена здесь может делать хоть какая-нибудь растительность?!*

Мы свернули с проселочной дороги в редкий «лес» ссохшихся тонких деревьев, который походил больше на лесополосу; обогнули небольшое болотце с вязким зеленым содержимым и наконец увидели то, что представляло из себя сад.

Это было небольшое, огороженное частоколом пространство с разнообразной растительностью. Мы вошли в низенькую калитку вслед за Дэвидом, и почти сразу же чуть не врезались в табличку, на которой было что-то написано непонятными знаками.

– Dager ppe1, – Дэвид обернулся сначала к нам, потом нагнулся и нашарил под табличкой ручку.

– Что? – скептически спросила Сонька.

– Dager ppe1. – Рывок. Земля стала осыпаться, и вскоре перед нами открылся люк, уводящий вниз. Парень удовлетворенно обтряхнул друг об друга руки и, спускаясь по каменным ступеням внутрь, продолжил речь: – *по-ихнему* dager ppe1 – осторожно.

Мы с Сонькой не стали спрашивать больше ничего, просто молча стали спускаться вслед за Дэвидом по крутым ступенькам.

Свет здесь, за исключением керосинового ночника, отсутствовал, и поэтому в подвале царилась кромешная тьма. Мы старались ощупью двигаться вслед за парнем, изредка наступая на какую-нибудь склизкую гадость. Когда мы дошли до середины, Бу, который все время сидел на плече у своего двуного друга, издал какой-то нечленораздельный звук и засветился мягким синеватым светом.

– Погоди-ка, – воскликнула Сонька, – точно такой же зверь чуть не съел нас в самолете!

Я хотела заткнуть Соньку, но было поздно. Дэвид рассмеялся и, погладив Бу, дружелюбно произнес:

– Они совсем не опасны. Разве только жалят больновато, но это мелочи.

Я в темноте увидела, как девушка покраснела до кончиков волос. Вот как бывает: хотела показаться храброй, а в итоге опустилась ниже плинтуса.

– Но что стало с другими пассажирами? Куда они делись? – наконец спросила она, желая переменить тему.

Мы смотрели, как парень выкапывает из грядок, огороженных досками по обе стороны нас, какое-то странноватого вида растение. «Наверху» оно выглядело чем-то сродни ссохшихся корней, но чем глубже он копал и вытаскивал сие нечто, тем сильнее оно становилось похоже на куст, который зачихнули в землю вверх ногами.

– А вот этого я не знаю.

– Но должны же были они *куда-то* деться! – запротестовала Сонька. – Не могли же они вот просто так испариться в воздухе!

Дэвид посмотрел на нее поверх очков:

– В этом городе все возможно. Вот поэтому вам придется меня слушаться.

Оставив Соньку наедине со своими мыслями, он быстрым шагом стал удаляться к выходу.

Я потрусила следом, преследуемая мыслями.

А действительно – *как* они могли исчезнуть на ровном месте? *Как* это возможно? Почему, скажем, исчезли все остальные пассажиры, а наша троица осталась? Потому, что мы всю дорогу смеялись, как умалишенные?

Я вскарабкалась по крутым холодным ступеням за Дэвидом, который стоял с ножом и, припевая какой-то неизвестный мотив, разрезал вдоль «корешки» растения. Сонька вылезла чуть позже, вся в пыли и паутине, и я невольно захохотала, глядя на нее.

– Вот так ты больше соответствуешь своему виду! – подал голос парень, вытаскивающий из стебля странные красные горошинки, переливающиеся на солнце.

– Хочешь превратить нас в себеподобных? – тотчас съязвила девушка, отряхиваясь.

– Да вы еще лучше меня, особенно тогда, когда Аза выбежала ко мне с круглыми от блюда глазами, – он хихикнул.

– Мы чуть не умерли!

Дэвид расхохотался сильнее, очевидно, вспоминая ту картину во всех красках. Интересно, что тут может быть смешного? Или у него уже реально поехала крыша?

Держись подальше от этого придурка. С виду он хороший парень! Он смеется над тем, что в цивилизованном мире бы вынесли на круг почета. Знаешь ли, проживешь тут восемь лет – не так заговоришь. А вдруг он маньяк, или еще что похуже?! Вторая Я, успокойся. Вдруг он зайдет к тебе в комнату ночью и пустит на органы?! ХВАТИТ. А что, если он в сговоре с туманом?!

Я потрясла головой, попытавшись отогнать тревожные мысли, которые, несомненно, в мою голову запускала вторая Аза Джонсон. Тем временем Сонька под свое недовольное бурчание по велению Дэвида спустилась в подвал и тоже стала выкапывать странные растения. Только я хотела сказать, что пойду к ней, как Дэвид позвал меня к себе.

– Вы бы хотели остаться? – задумчиво спросил он. Вторая Я еще раз в матерном варианте напомнила мне, что его башня давно поехала в противоположную сторону.

– Ну как тебе сказать... – Я уселась на сине-зеленую траву-газончик. – А ты бы хотел вернуться туда, откуда приехал?

– В Каролину?

Мне показалось, что меня окатили ледяной водой.

Так он... жил... в Каролине?! Я часто заморгала, не веря своим глазам. И Дэвид, видно, понял, откуда мы, поэтому широко и грустно улыбнулся:

– Так вы тоже из Каролины? Вот это совпадение. И как там она, жизнь?

– Обычная. – Я скосила глаза на траву. Взгляд его больших грустных глаз показался мне непосильным грузом. – Учеба, друзья, домашние обязанности.

Мы снова неловко замолчали. Он смотрел на меня, я – на него, и мне казалось, что теперь я – единственная связующая нить с современным миром для Дэвида.

В парнях я спецом не была. Я вообще была как парень. Пока девушки отращивали шикарные волосы до пояса, я стриглась как бомж, у которого впопыхах состригли половину его шевелюры, и у него осталось то, что только самая сердобольная душа в мире назовет прической. Расческу я тоже в глаза не хотела видеть, и родители буквально силком заставляли меня причесывать мои космы. И косметикой, ясное дело, не пользовалась: только один раз сходила в салон на покраску бровей (опять же, заставили родители перед вылетом, но мне было как-то пофиг), да прыщи любила давить до крови так, что на следующий день лицо было все красным и в пупырычку.

Но Дэвид, этот худощавый и странный парень, оценил меня с другой, третьей стороны, с которой не оценивали даже мои родители. Он нашел во мне ту потерянную часть звена, из-за которой смог рассказать мне о гибели своей сестры Эмили, что не каждому было бы по силам.

Возможно, мне только так казалось. Но, возможно, так же казалось и ему.

С помощью такого нехитрого способа мы сумели насобирать пару корзин этих диковинных ягод, которые Дэвид вскоре превратил в кашеобразную массу, по вкусу напоминающую тыкву

и яблоко вместе взятые. Сонька поела быстрее меня и вскоре унеслась к Киру. Спустя секунду из комнаты донеслись восторженные крики.

Я и парень в мгновение ока очутились на пороге и застали целующуюся Соньку в обнимку с Киrom, которая мгновенно покраснела и отпрянула, словно ничего и не было.

Когда мы спустились на первый этаж, Дэвид недоверчиво произнес:

– Они, что, встречаются?

– Понятия не имею, – я пожала плечами. – Пару дней назад они ссорились, как дети малые. Но сейчас...

Он усмехнулся:

– Похоже, это очевидно.

Мы уселись на старый прогнувшийся диван, и я почему-то вспомнила свою первую «любовную» историю. Я училась в четвертом классе, когда ко мне стал подкатывать жирный невымытый мальчик по имени Ник с другой параллели. Вот я ему, еще с красивыми рыжими нестриженными волосами, понравилась. А потом я их остригла, и что-то все как-то перестали меня замечать.

– Слушай, ты как к волосам относишься?

Я вздрогнула, ведь совсем не ожидала услышать это от самой себя. Но Дэвид не растерялся ни капельки:

– Мне больше нравятся короткие волосы.

Ой.

Вот видишь, Аза, он хочет тебя... Брось, я не сексуальная. Не перебивай меня. Он хочет тебя СЪЕСТЬ. Ой, да брось. Причем тут волосы? Да притом. Он ищет подобных своей сестре, если у него вообще такая имелась, чтобы потом расчленил его, запихнуть в банки, замариновать и СОЖРАТЬ! БЕГИ ПОКА НЕ ПОЗДНО!!!

Я обернулась в сторону парня и уловила его пристальный взгляд.

– Что? – я нервно усмехнулась.

– А что? – он усмехнулся тоже. – Ты красивая. Не хочу себе отказывать в этом признании. Всего два слова, но таких волшебных, что мой мозг мгновенно перестал работать.

– Спасибо... – Я откинула назад вечно лезущие в глаза волосы. – В Каролине мои одноклассницы называли меня парнем. Серьезно.

– Кажется, они не умеют ценить настоящую красоту.

– Прекрати мне льстить! – я несильно толкнула его, и предательская улыбка сразу заразила нас обоих.

Он расхохотался, подняв вверх руки:

– Я и не льстил! Согласись, мне не каждый день выпадает называть девушек красивыми.

– Да, но и мне не каждый день выпадает шанс познакомиться с местным дикарем!

Мы снова громко расхохотались, и даже не сразу услышали неторопливые шаги с лестницы. Сонька, которая аккуратно вела под руку еще слабого Кира, рассказывала ему, как мы спаслись.

– Так это ты нас подобрал? – Кир бросил оценивающий взгляд в сторону парня.

– Я, – подтвердил Дэвид.

Ну вот, сейчас они опять сцепятся, как было тогда. Я приготовилась их разнимать и стала перебирать всевозможные острые фразы в случае словесной перепалки, как вдруг Кир, не спеша подойдя к Дэвиду, протянул ему руку с широкой улыбкой:

– Спасибо.

– Не за что, – Дэвид улыбнулся.

5

Началась череда дней, полностью похожих друг на друга.

Время текло привычным руслем. Каждое утро мы все вчетвером отправлялись либо собирать ягоды, либо на охоту, откуда приносили в дом парочку аликвид, потом Дэвид учил нас их готовить. Обычно этот процесс не занимал много времени, зато он занимал много нервов. Нужно было сначала отфильтровать воду, потом – каким-то хреном ее подогреть, еще потом – расчленив плоть и вынуть все содержимое так, чтобы осталось одно «мясо».

Мы путешествовали по заброшенному городу, искали и находили десятки разных вещей, свидетельствовавшие о том, что у Слипстоуна раньше было не такое уж и криминальное прошлое. Это делалось веселее особенно тогда, когда Дэвид рассказывал нам, какие чудеса происходят тут.

Туман, как само собой разумеющееся, – мутировавшие испарения, которые обрели свойство поглощать все, что движется и дышит. Он неуязвим, но тем не менее, можно спастись от него громкими звуками (например, раковинами) или струей воздуха, выдаваемого выдувателем, и это выиграет какое-то время на побег.

Аликвиды – вполне безвредные существа, если не считать того, что они уничтожили почти четверть ягодной плантации Дэвида. Легко приручаются, спокойные, жалят парализующим ядом, тем самым обездвигивая мелкую добычу. И прячутся хорошо, гады.

Дэвид предположил теорию о том, что они как раз-таки и появились от тумана, который проник в некогда существующую здесь лабораторию (*что за бред?! – заявила Сонька*) и тем самым как-то «создал» семя, откуда и зародилась эта жизнь.

Но самыми проворными, несомненно, были безымянные существа вроде Друга – крыс, мутировавшие после долгого контакта с ядовитыми испарениями.

После всей этой тирады мы с Сонькой и Киром пришли к мнению, что туман имеет не только плохую сторону, ведь он смог зародить живых существ в городе, где, почитай, умерло все живое. Но вдруг туман стал и той самой причиной, по которой этот некогда процветающий город превратился в мертвый Слипстоун?

Мы рыскали в городе, как ищейки, которые пытаются найти что-то поистине важное. Важного не находилось, зато мы находили много другого разного быта, который Дэвид сразу же прикарманивал себе в дом.

Вечером, когда выдуватель показывал время до прибытия тумана, мы всей шайкой трусили в дом, пересказывая свои варианты идей, которые можно было бы использовать к той или иной штуке, найденной в «заброшке». Все они, обычно, оказывались глупыми и бесполезными, зато мы развлекались и ждали нового дня с таким упоением, с каким не ждали, пока жили обычной жизнью обычных американских подростков – ну, до того, как потерпели авиакатастрофу и очутились на несуществующем острове бок о бок с суровой природой. Все-таки, вот, что творят с человеком простые вещи. Пока у нас были удобства, модные гаджеты и возможность страдать ленью – мы не замечали вообще ничего, что могло бы поднять нам настроение. А потом, лишившись всей наворочанной атрибутики и современных благ, мы стали ценить не то что каждый дождь – каждую минуту, проведенную здесь.

– Какие планы на завтра? – я измельчала сухие ягоды и складывала их в небольшие ящички, смотря, как Дэвид, стоящий рядом, заливает их кипятком.

– Как обычно, – он пожал плечами. – Тут особо не развернешься. Можно ягод пойти пособирать, можно на охоту махнуть – а то мяса у нас уже впритык. А то Бу и Друг траву до сих пор найти не могут.

Он усмехнулся своей же шутке и продолжил заготавливать запасы. Зима здесь, судя по его рассказам, выдавалась похлеще, чем у нас в Северной Каролине, поэтому заготавливал он всегда много и с запасом.

Туман должен был прийти через двадцать минут, и я, воспользовавшись этим временем, взяла уже готовые ящички и потащила их к подвалу.

– Не забудь открыть щеколду, хозяйюшка! – крикнул мне вдогонку Дэвид, передразнивая мотивы старенькой бабушки.

Ну и дурачок.

Я поддела грузную металлическую застежку и, насколько это было возможно быстро, вытащила на улицу. В воздух подул прохладный ветер вперемешку с лучами заходящего солнца, и я как-то незаметно для себя подумала, что, наверное, жизнь здесь не такая уж и плохая.

Я обошла дом и вышла на задний двор. Не такой уж и наворочанный и современный, но уютный и ухоженный, без кучи ярких пошлых цветов, с минимальной растительностью, но такой *своей*. Вот чего мне не хватало у себя дома.

Я подошла к небольшому погребу, плавно уходящему в землю, пару раз дернула за ручку, и он открылся, выбрасывая всю скопившуюся паутину и пыль в воздух. Внизу пробежали какие-то мелкие животные. Вот кого не помешает вытравить отсюда – так это этих чудаковатых вредителей.

Первая ступень, вторая, четвертая, пятая, десятая... Я дошагала до конца в цветущий мрак, поставила ящики в самый дальний угол, кое-как отделанный влажной и крошащейся от сырости штукатуркой. Сверху свалилось пару камней. Я подняла голову, так, на всякий случай, и...

Нет.

Не может быть.

Там, вверху, что-то *шевелилось*.

Сознание отчаянно попыталось списать это на мой воспаленный мозг, но неожиданно нечто, *сидящее* там, шумно *вдохнуло* и *выдохнуло*. Этот поистине громкий звук отразился от стен и застыл в немой тишине, словно ничего и не было.

Нет, там определенно что-то есть. И это что-то будет побольше, чем аликвид.

Я попятилась со всей своей осторожностью, которую только имела. Нечто на потолке еще раз шумно вдохнуло и выдохнуло.

И тут я догадалась.

Оно спало, и спало очень крепко, что существенно облегчало мою задачу сбежать отсюда как можно быстрее. Ноги – назло, что ли – приросли к полу, в горле застрял ком. Мое дыхание показалось мне ревом поезда, и я перестала дышать. Легкие, недовольные этим поворотом, потребовали новую порцию кислорода.

Я быстро нащупала ножик у себя в кармане и попятилась к выходу. Я уже миновала половину пути, как вдруг половица, чьей было залатано добрая часть ступеней, жалобно скрипнула и прогнулась.

А дальше произошло два события, заставившие мой мозг работать на пределе и очень, *очень* быстро.

Существо, что прежде мирно храпело, завозилось, и в темноте показались его два ослепительно ярких синих глаза без зрачков. А потом – еще один, и еще один, и еще пару, и вскоре на его морде образовалось бесчисленное количество маленьких голубеньких огоньков, которые, несомненно, уставились на нарушителя своего спокойствия.

А потом голос Азы Джонсон в моей голове, который появился буквально из ниоткуда, четко, но ясно произнес:

Беги.

Я бросилась наутек, спотыкаясь и падая на холодные каменные ступени, сдирая в кровь и мясо кожу на коленях и ступнях. Сердце неистово забило в груди, и мне показалось, что еще немного – и оно прорежет нежную кожу и вырвется наружу.

Рык и вой, донесшийся с подвала, а потом – быстрое клацанье чьих-то когтей, слышались позже, но я уже успела вырваться наружу и теперь на всех парах бежала к входу в дом.

– ДЭВИД!!! – я перепрыгнула через оградку и оглянулась.

Это существо походило на нашу земную пантеру, только вот оно было раза в два крупнее и с мордой, которую будто окунули в кислоту. Шерсти не было, была только уродливая, в уродливо затянувшихся шрамах, черная, как смоль, кожа. Рот, по-видимому, отсутствовал. Длинный хвост был вскинут вверх, как у скорпиона, и на его конце блестело острое жало.

Я снова заорала, как ненормальная, проклиная всех богов и туманов за то, что Дэвид взял привычку наглухо затыкать окна рваными тряпками. А что?! Если бы он это делал перед самым прибытием тумана, то он бы мог спасти не только меня!

Я вылетела на дорогу, поднялась к подъезду и рванула ручку двери на себя. Я успела забежать в дом, прежде чем черное нечто врезалось бы в меня и утащило куда-нибудь к себе в берлогу.

– Что случилось? – Дэвид, стоящий у стола, от удивления выронил поднос с растолченными ягодами. Те посыпались на пол и растеклись там кровавым соком.

Когда дверь прогнулась под тяжестью нападавшего, он вздрогнул.

– Не знаю. Там... *Что-то*, – еле выдавила из себя я. – Очень огромное.

Дэвид задумался. Его брови сошлись на переносице, между ними образовалась глубокая складка. Глаза прищурились. Он позвал Соньку и Кира, и, куда-то быстро убегая, сказал ждать здесь.

Ребята прибежали чуть позже, сильно напуганные и сбитые с толку.

– Что случилось?! – Сонька огляделась по сторонам. Хищник, будто бы дожидаясь ее реплики, снова ударился об дверь и стал скрести ее когтями.

– Ох черт, – Кир потерял переносицу.

– Я шла относить запасы, – продолжила я, – зашла в подвал, где было *оно*. Неизвестно, как оно пробудилось не от плюханья ящиков на пол, что за километр слышно, а благодаря тихому скрипу.

– Где Дэвид? – снова пропищала Сонька.

– Он сказал ждать здесь, – поправил ее Кир. – Но как мы можем ждать здесь, если он сейчас, может быть, надежно спрятался, оставив нас одних, как приманку?

БАМ.

Щепки от двери полетели прямо на нас и на все, что находилось в коридоре. Существо отряхнулось, сбilo лапой остатки, которые еще были у основания двери, и громко завывало.

– ЧЕРТ! – заорал Кир, хватая нас за руки и убегая в противоположную сторону дома. – БЫСТРЕЕ!!!

Мы понеслись с такой скоростью, перепрыгивая через мебель и остатки быта, словно за нами гнался сам черт. Хотя, так, скорее всего, и было, просто никто из нас троих не смог признаться, что Дэвид, как самый подлый трус, где-то сейчас спрятался и оставил нас одних.

Мы слышали чудовищный рев пришельца, его клацанье длинных и острых, как лезвие, когтей. Мебель, которую мы успели обежать, превращалась в щепки после того, как она попадалась ему.

– Сюда! – я резко повернула в дверной проем. Кир и Сонька успели забежать внутрь и понеслись по бесконечным коридорам прочь, пока я держала дверь.

Первый мощный удар выбил мой дух, второй – его остатки. Силы как-то подозрительно быстро иссякли. Я поняла, что еще немного – и дверь не выдержит.

Эта комната не походила на те, которые мы привыкли здесь видеть. На стенах не слазила штукатурка, деревянный пол не грозился провалиться под чьим-то весом. На стенах были навешаны различные картины, в том числе и миниатюрная версия знаменитой «капеллы». Но что было самое поразительное – так это то, что повсюду стояли *манекены*. И они были ужасным образом *изуродованы*.

У одного из них были выщарапаны глаза каким-то острым предметом, другой еле-еле стоял на одной ноге со вспоротым животом, прислонившись к стенке. Еще у пары отсутствовали головы. Один манекен, самый дальний, представлял из себя сплошное расплавленное нечто с еле угадываемыми чертами.

Третий удар пришелся слабее, и я его сдержала. Пришелец негодовал. Господи, Дэвид, где тебя носит...

НУ ВСЁ. ЭТО КОНЕЦ. Конеч чего? *КОНЕЦ ТВОЕГО ЖАЛКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ.* Может быть, не такого уж и жалкого... Но, пожалуй, я кое в чем с тобой соглашусь... *Только не говори, что ситуация изменится в лучшую сторону.* Она как раз-таки и не изменится.

Мне было стыдно признавать, что все мои усилия выжить в этом странном и загадочном мире, который, возможно, не существует в реальности вообще, оказались напрасными. Черт бы побрал эту чертову авиакомпанию, черт бы побрал всех, кто там работает!

Мне вспомнилось, как перед самым вылетом, стюардесса спросила что-то у толстого немытого охранника. *Я не верю в это,* – ответил он ей, и она хотела было что-то возразить, но заразилась скептицизмом и примолкла.

«*Число 888 – бесконечность*» – говорила мне Сонька, и я должна была обо всем догадаться и пересесть на другой рейс, будь то 889 или даже 890.

Бесконечность.

Так не хотелось это признавать, но мы застряли тут на *бесконечно.*

Последний удар отбросил меня в другой конец комнаты вместе с дверью. Я неловко перекувыркнулась, врезавшись в стену, и приняв удар спиной от единственной защиты, разделяющей меня от смерти буквально на пять дюймов, окончательно удостоверилась в том, что спасения ждать не придется. Дверь накрыла меня сверху, что немного продлило жизнь. Если бы дверь впечаталась мне в грудь и в лицо, то монстру, считай, все было бы подано горяченьким.

Я немного очухалась от удара и выглянула в щель.

Оно ходило и жадно вдыхало воздух. Его ноздри раздувались подобно жерлам вулкана, хвост нетерпеливо метался взад – вперед. Ребра ритмично постукивали друг об друга, создавая на темной коже складки. Отростки из спины, которые я не заметила раньше, на конце были снабжены еще большим количеством ядовитых шипов, нежели чем на хвосте.

Оно прошло по периметру комнаты, и только собралось уходить, как моя рука соскользнула с пола, и паркет издал молящий о пощаде звук. Монстр повернулся. И бросился на меня.

Я зажмурилась.

Не хочу видеть, как он поедает мои внутренности.

Все.

Аза Джонсон умерла в чьей-то зловонной пасти в неизвестном городе, а не в уютной кровати с любимым мужем в Каролине, как мечтала.

Жизнь не успела начаться, а уже конец.

Кажется, я стала понимать, что означает выражение «умереть недостойно».

Я сжалась и приготовилась к худшему.

Выстрел.

Грохот.

И визг того, кто пару миллисекунд назад прыгнул на меня для того, чтобы убить.

Я решила, что уже умерла, и этот выстрел – что-то наподобие пропуска в рай, до того момента, пока не открыла глаза и не увидела уже знакомую фигуру, а рядом – самого дьявола.

Оно лежало на боку и истекало черной, как смоль, кровью. Дэвид заметил, что «кто-то» шевелится под дверью, и нацелил дуло двустволки, но я вовремя успела крикнуть.

– Аза! – он в одно мгновение подлетел ко мне и помог высвободиться от натиска двери. – Ох черт, да ты вся в крови!

Только сейчас я заметила, что изрезала в кровь руки об щепки и испачкала ею всю одежду. Как пришелец не догадался найти меня по запаху крови – оставалось загадкой.

– О боже, – я схватилась за голову. – О боже! О боже... О боже. Нет. Не может быть. Я жива? Я жива! О боже. О боже!

Он как-то странно уставился на меня, легонько побил по щекам и потряс за плечи.

– Еще бы немного – и я труп. – Я шумно выдохнула. Я до сих пор не пришла в себя, и мертвое животное казалось мне какой-то иллюзией.

Дэвид улыбнулся своей скромной улыбкой, и мурашки на моем теле стали отплясывать тумбу.

– Прости, что так поздно. Я даже и подумать не мог, что это треклятое ружье найдется не так быстро, как хотелось бы. Прости.

– Все хорошо.

Мы снова улыбнулись друг другу. И, как это было тогда, на старом диване после рассказа об Эмили, мне жутко захотелось его обнять.

– В общем, нужно найти Соньку и Кира, – я кивком указала направление, куда они пошли.

Пока я вставала и отряхивалась от пыли, пытаюсь привыкнуть к боли в спине, Дэвид успел подобрать двустволку и уже выставил ее вперед, дожидаясь меня. Мы пошли разыскивать друзей, покинув комнату.

– А знаешь, я таких здесь никогда не видел, – задумавшись и почесав подбородок, заметил он. – Вот поэтому и не стал тратить время на обычный «макаров» – кто знает, вдруг он не пробил бы его кожу? Он даже не сразу аликвида пробивает, пули со второй, не меньше, не то чтобы этого...

– Но спасибо. – Я покраснела, – если бы не ты, я бы уже давно варилась в адском котелке.

– Не за что, – пробормотал Дэвид, краснея.

Я позвала ребят. Сначала в доме стояла угнетающая тишина, но потом в соседней комнате кто-то завопил. Я узнала Соньку по ее растрепанным волосам шоколадного оттенка, Кира – по рваной брючине, которую он успел раскроить от колена до щиколотки.

Они подошли к нам шаркающей походкой, затравленно оглядываясь, словно в любую секунду на них мог кто-нибудь выскочить из угла. Потом остановились рядом, воткнув взгляды в пол.

Спустя пару минут Сонька лаконично и пристыженно произнесла:

– Спасибо.

– Извини, что поступили по-идиотски, – дополнил Кир. – Адреналин всю голову совсем забил.

Дэвид со снисходительной ухмылкой наблюдал, как они поочередно подходят ко мне и обнимают и просят прощение непонятно за что, ведь я их, будь даже жадной и злопамятной стервой, все равно бы простила.

Сложно было представить, что он мог сделать с нами. Даже если бы я не выжила, то Кир и Сонька спаслись бы.

Пока мы приводили себя в порядок и пересчитывали количество царапин, Дэвид что-то усердно искал в старом хламе, а потом, глянув на выдуватель, сплюнул:

– Черт! Туман уже окружает Слипстоун.

Мы как замороженные бросились к окну. Там, за полностью выжженным горизонтом, на много миль распростиралось зеленое облако, которое неуклонно двигалось к нам. Сонька что-то быстро забормотала, Кир выругался сквозь зубы.

– Хорошо, – продолжил Дэвид, – хорошо, что не очень хорошо. А точнее – вообще нехорошо. Эта тварь неизвестной этиологии неплохие такие брешины оставила в двери, и туман,

будь он не дурак – а он, как известно, не дурак – медлить не станет. Так что сегодня повременим с уютной кроваткой и расположимся в лабораторной.

Он снова бросил взгляд на туман, который на этот раз приблизился еще больше, и указав «наше» направление, поплелся в противоположную сторону.

Интересно, как выглядит его лаборатория? Мне представилась полностью железная комната без окон, с различными шкафчиками и пробирками с неизвестными растворами в них. Конечно, задним числом я понимала, что, собственно, ни о какой цивилизации в виде компьютеров или даже обыкновенных счетов тут даже не может идти речи, но мой мозг настолько отчетливо вырисовал эту картину, что, когда мы зашли в комнату с изуродованными манекенами, мое сердце ухнуло куда-то в пятки и растеклось там липкой лужей.

Не может быть...

Так... Это все... Сделал он?!

Я попятилась к проему, таращась то на Дэвида, то на манекена без «внутренностей». Сонька уловила мой немой ответ на ее немой вопрос и, схватившись за Кира, тоже попятилась в сторону двери.

– Что за... – Только и смогла выдавить я. Вторая Аза Джонсон стала потакать мне, что Дэвид – маньяк и *вообщеизвестноктоатыужемиглазкитрошишь*.

– А, это? – Дэвид оглядел свои плоды упорного труда. – Да так, не обращайтесь внимание, всего лишь эксперименты.

– Как на них *не обращать внимание*, если ими вся комната забита?! – разгорячилась Сонька. – И какие такие эксперименты могут быть тогда, когда у манекена отрублены его гениталии и вставлены в голову?!!

– Либо ты псих, либо мы все уже мертвы, – пробормотал Кир.

– Это действительно странно, – дополнила я.

Дэвид прислонился к стенке, скрестив руки, опустил взгляд на мертвое животное и вздохнул. Так и не сказав ничего путного, он опустился на корточки перед уже остывшим телом и, разрезав плоть ножиком, вывалил кишки прямо на пол, прямо перед нашими ногами.

– Да ты издеваешься! – воскликнула Сонька.

– Я не виноват, что ты такая *неженка*, – запротестовал парень, – я просто ищу то, что может послужить защитой от таких подобных. Яд, либо ядовитый хитин, либо даже ядовитая ткань – все на пользу. Так что заткнитесь, иначе благодаря тебе нас обнаружит туман и упечет к чертовой матери!

Мы все заметно присмирели, не ожидая такого поворота от Дэвида. Возможно, конечно, он и не на такое способен, доказав нам, что в гневе (а в гневе ли?) он страшен и может воткнуть в голову чужие гениталии. Но разозлиться на Соньку из-за пустого предложения...

Мы еще с час наблюдали, как он плотно затыкал все щели остатками манекенов, подсовывая между половицами чьи-то руки или головы, а потом возился с трупом. Кишки, которые ранее были плотно уложены в животе чудовища, сейчас были разбросаны на несколько ярдов по комнате, напоминая какой-то живой чудовищный пазл.

Мы договорились дежурить по очереди. Пока Кир наблюдал за всей этой процессией, мы с Сонькой отползли в самый дальний угол «лаборатории» и забылись беспокойным сном.

6

«Берегись!».

Темнота. Ни единого белого пятнышка.

«Они найдут тебя!».

Впереди – туман, зеленый, и разит от него тысячей дохлых трупов неизвестных животных. Остальные же выжившие десятки играют с оставшимися трупами, которых еще не обглодали.

«Беги от них!».

Я стою на какой-то странной перекладине, качающейся вниз-вверх, танцую зловещий танец. Тело само танцует его за меня.

«Глупая девчонка, беги пока не поздно!».

О боже, одно неверное движение – и впереди только пропасть.

«Они убьют тебя!».

Хочется кричать и смеяться. И плакать. А я все наблюдаю, как худые истощенные животные поедают трупы своих собратьев. И мне это нравится.

«Они будут смаковать каждый сантиметр твоей кожи!»

Но я понимаю, что скоро эта сказка закончится.

Но перед этим будет *очень* больно.

«Ты почувствуешь, как сгоришь заживо».

Пора проснуться.

Я вскочила в сидячее положение так, будто кто-то пнул меня в спину ногой, заставив согнуться в неестественном телу положении. Ноги свело жуткой судорогой. Я все еще находилась в лабораторной.

Соньки, Кира и Дэвида не было, зато я обнаружила, что мои ноги заботливо укутаны тканью, которая больше походила на половую тряпку, чем на одеяло. Рюкзак лежал рядом. Сквозь заколоченные доски пробивались лучи утреннего солнца.

Я тщательно обошла весь дом в поисках ребят, но кроме манекенов, растасканных по углам в еще более ужасающих позах, не нашла ровным счетом ничего. Вещи, которые хоть немного напоминали о существовании некой цивилизации в этом доме, так же исчезли.

В шкафах нашлись колбочки с темно-синим содержимым с наклеенной на них надписью «*dager prel*». Еще я заметила лук и пару стрел, припрятанных в углу за самым дальним и более «пострадавшим» манекеном.

Черт, да куда они все подевались?

Я тщетно приказала второй Азе Джонсон вспомнить, чем он мог напоить меня, что я ничего не помню. Последнее, что было перед тем, как я провалилась в сон, было слово «берегись», взявшееся буквально из ниоткуда в моей голове. И хотя я знала, что личностей в моей голове несколько, каждая из них поклялась самой же себе, что ничего не знает – впрочем, как обычно.

А этот странный сон... Я остановилась посередине комнаты и потеряла *виски*. Что он может обозначать? Эти трупы животных, эти странные предостережения... О господи, неужели я сошла с ума и только сейчас об этом догадалась?

В голову прокрались ненавязчивые доводы о том, что меня тут просто-напросто оставили одну.

Ну нет!

Сонька и Кир не бросили бы меня!

Если только Дэвид не утащил их отсюда силой...

Внутри меня все завязалось в тугой узел и скрутилось в разных позах. Надо же, с виду он показался мне милым парнем, и я даже подумать не могла, что он мог свалить вместе с моими друзьями в неизвестном направлении, прихватив все важные вещи. А что, если он их... При этой мысли в горле у меня застрял комок, горло сжалось в рвотном порыве.

Ох нет, только не это.

Не может быть.

Я прихватила лук и стрелы, продела через плечи рюкзак и отправилась на поиски.

Я прошла с сотню ярдов, блуждая по тем окрестностям, которые до этого нам показывал Дэвид. Все это время у меня в глубине души зарождалась небольшая надежда, что Сонька и Кир живы, но Вторая Аза всячески ее перебивала.

Я же тебе говорила, что нужно валить отсюда куда подальше. Я же не знала! Теперь, когда Сонька и Кир уже, наверное, варятся в адском котелке, ты знаешь. Молодец! Слушай, мне плохо, если не можешь успокоить меня – закройся. *Я пытаюсь донести до тебя, что Я в опасности! Из-за ТЕБЯ!* Ты постоянно забываешь, что тело-то у нас одно на двоих. *Вот это меня и бесит.*

Вскоре я поняла, что он бы не стал прятать их в уже знакомых мне районах, если так можно было назвать эти развалюхи, и ушел либо в глубину города, либо – загород.

Ты хочешь рисковать собой? – спрашивала я себя, пока обследовала новый район, который окрестила Адским проспектом за его особенно ужасающий вид.

Он даже как-то отличался от остальных. По стенам полуразрушенных домов ползли цепкие колючие ветви, игрушки, которые были разбросаны почти в каждом закоулке города, выглядели тут еще более ужаснее. Я остановилась около массивного высохшего дуба, подобрав одну куклу, и мозг, разом среагировавший на это происшествие, приказал мне уносить ноги.

Эта кукла выглядела точь-в-точь, как выглядели те манекены в лаборатории Дэвида. Один глаз ее отсутствовал, рука была нелепо перевернута в другую сторону, живот – «вспорот». И надпись полустершимся черным маркером на ее изуродованной спине гласила: *dager ppel.*

Они найдут тебя.

Я в ужасе отбросила ее от себя, и она пролетела еще ярд, прежде чем приземлилась на землю и откатилась прочь.

Так значит, Дэвид был тут?!

Внутри меня все похолодело и руки сами полезли в карман за ножиком. Я уже и забыла, что жизнь бывает другой, и самое ужасное было то, что она никогда больше не могла стать нормальной. Если я как-то и выберусь из этого проклятого места, то свои последние дни в Каролине встречу в психиатрической лечебнице на пару с бредящими наркоманами и паралитиками, вдруг интересным образом обнаружившими, что в их крови плавает с сотню золотых рыбок.

Я попыталась отдышаться и привести свои мысли в порядок. Взгляд постоянно скользил по изуродованной кукле, лежащей под толстым слоем пыли.

Ну хорошо.

Поиграть захотел, значит.

Я повернула за дом, и картина, которая представилась мне, окончательно убедила мой мозг в том, что я уже давно умерла.

Передо мной распростиралась самая большая дыра, которую я когда-либо видела. Ее концы уходили далеко за горизонт, распадаясь там подобно частицам, в глубине чернела только гигантская черная пропасть. Дома Слипстоуна обступили эту громадину плотным кольцом, тесно сгрудившись друг с другом.

И тут я догадалась. Это был карьер, довольно заброшенный и сильно выделяющийся по меркам этого скромного городка.

Я подошла к краю и прищурилась. Склон был крутым, – чуть оступишься – и поминай как звали. Пару камней сорвались вниз от пинка моего кроссовка, и вскоре скрылись в непроглядной черноте.

Я прислушалась, но нужного результата не получила, только, наоборот, еще раз задала себе вопрос, а не умерла ли я.

Тупица, ты спятила, а не умерла. Заткнись, сейчас не время для твоей тирады. Затываешь саму себя, просто умница. Заткнись и перестань соваться не в свое дело. Ути-пути, как мы заговорили! Заткнись. Вторая. Я. Просто. Заткнись.

Я кинула еще пару камней, и снова убедилась, что эта воронка просто не имеет конца.

Прыгни в нее. Хм, так кто там говорил, что я спятила? По крайней мере, ты перестанешь мучиться и искать выход, которого ты, ясен пень, не найдешь.

Я снова послала Вторую Азу покататься в Диснейленде на американских горках (кстати, именно тогда она меня ненавидела больше всего. Хе-хе), и она примолкла, очевидно, поняв, что спорить со мной бесполезно.

Идти в обход? Это предложение представлялось мне невысказанным, потому что спасти друзей надо было немедленно, а не тратя полжизни на то, чтобы пересечь этот карьер. Но и оставаться на месте тоже представлялось невысказанным, потому что друзей надо было *спасать*.

Мысли судорожно роились у меня в мозгу, вырисовывая самые ужасные развития сценариев, которые только могли быть.

Мне представилось, что, когда я снова углублюсь в город, то найду под грудой сгнивших яблок уже вздувшиеся от жары тела Кира и Соньки и какую-нибудь записку с угрозами. Или обнаружу, что из моего рюкзака, который сейчас стоит в дюйме от моей левой ноги, торчит какой-то странный вонючий предмет, и когда вытащу его, увижу порядком обглоданную руку с темно-синим маникюром. От этих мыслей я поежилась и развернулась, чтобы возвращаться обратно, как вдруг откуда-то сзади раздался мелодичный вой.

Волки!

Идиотка, какие тут волки?! Ой, ну да... А что тогда? Не знаю. Может быть, туман?

Я развернулась снова, попытавшись разглядеть нечто. Горизонт оставался чистым, до заката еще были добрых три-четыре часа, в учете того, что темнеет здесь поразительно быстро. Вой повторился снова.

И тут я вспомнила... Такой же вой в Новолуние... Тогда он показался мне зловещим, но сейчас он был пропитан такой горечью, что мое сердце сжалось в один тугой узелок.

Она иногда зовет меня к себе, – говорил мне Дэвид. И тогда я не восприняла эти слова как должное под пониманием того, что мы пережили в ту роковую ночь, но сейчас я обо всем догадалась.

Она... это... Эмили?!

– Э-э... Эмили?! – крикнула в пустоту я. – Эмили?!

Тупица. Заткнись. Тупица-а-а-а-а. Заткнись.

Я ожидала все что угодно – от того монстра до тумана, выжигающего кислотой буквально все, но, когда вой раздался уже более отчетливее, я снова замахала руками как умалишенная и заорала имя девушки. «Сюда!» – как будто бы говорил вой, подвывая на каждую мою попытку кричать громче.

В конце концов я не выдержала и сорвалась с места, подхватывая на бегу рюкзак и даже не понимая, что вместо безобидного духа в белом платье я могу встретить что-то поистине ужасное.

Я пронеслась мимо искореженных ограждений небольших частных домиков, мимо заброшенных печальных садилов и потрескавшихся садовых статуэток гномов. Я резко повернула за один из домов и продолжила следовать за воем, который только усилился.

– Я бегу! – я перемахнула через оградку и очутилась в середине пустынного двора, окруженным разрушенными домами.

Тишина заполнила улицы. Я тяжело дышала после такой нехилой пробежки, легкие мои горели синим пламенем, требуя восстановить подачу воздуха. Каждая молекула воздуха словно была наэлектризована напряжением, повисшим надо мной и моим невидимым собеседником, словно палач над жертвой.

Я согнулась в приступе мучительного кашля.

– Эмили?

Вой повторился. Только теперь он был тише и с непонятными нотками злобы...

– Эмили? – я прищурилась. – Не бойся, я...

Но договорить я не успела, потому что тяжелый и мощный удар, который огрел меня прямо по затылку, заставил меня провалиться в пелену мрачных воспоминаний и потерять сознание, наверное, уже навсегда.

– Аза! – отец улыбается своей белозубой улыбкой, закрывая мне руками глаза. – Угадай, что мы тебе подарили?

Я готовлюсь выдать целый перечень своих желаний. Кукла Барби с краской, входящей в содержимое, чтобы красить ей волосы? Да любая моя одноклассница позеленеет от ярости! Или расческа с камешками? Тогда я смогу похвастаться ею перед Лило и Мэдди. Или, может быть, настоящие красивые крылья?

– Не угадает! – мама посмеивается. – Тэд, покажи ей.

Отец отстраняет руки от моего лица, и я вижу перед собой огромную праздничную блестящую розовую коробку. Я потираю руки в предвкушении. Какой будет огромный подарок!

Мои родители смеются... Но смеются странно и нервно. Я с вопросом в глазах поворачиваюсь к маме, которая подталкивает меня к коробке.

– Иди, – она зловеще улыбается. – Посмотри на свой подарок.

– Ей *ужасно* понравится, милая, – поддакивает папа.

Я оборачиваюсь...

Нет.

Не может быть...

Тела Кира и Соньки... Уже порядком разложившиеся, гниющие, с гнойными незаживающими ранами по всему телу, в которых роятся тысячи червей. Глаза их выцарапаны чем-то острым. Рты открыты; изо рта свешиваются синюшные языки.

Я начинаю кричать. И родители, а вернее – те, кто скрываются под маской, – начинают хохотать еще безудержнее, чем до этого.

И он толкают меня к ним.

– Веселого времяпровождения, – говорит мама, и огромные створки коробки закрываются, образуя моему взору непроглядную темноту.

Я дернулась вперед и раскрыла глаза.

Темнота.

Я что, умерла?

Нет, так не может быть. Я ощупала все свое тело, потрогала конечности и удостоверилась, что все они на месте. Не считая того, что все мое тело саднило и болело, я вполне могла бы сказать, что я *все еще* жива.

Когда глаза стали потихоньку привыкать к темноте, а сердце перестало так судорожно биться о ребра, я хорошенько рассмотрела пространство и пришла в еще более *ужасный ужас*, чем до этого.

Это было небольшое выдолбленное углубление в пещере примерно пять ярдов в длину. С трех сторон меня окружали песочно-каменные стены, в четвертой же была вдолблена нечастая решетка. Конец ее уходил куда-то вверх – оттуда даже не проникали лучи солнечного света.

Где это я?

Я на покачивающихся ногах присела на корточки и, опираясь об стену, медленно встала. Голова раскалывалась. Во тьме что-то глухо стукнуло. Я посмотрела вниз и увидела, что вокруг моей ноги обвязана толстая лиана, уходящая вглубь стены.

Ну отлично.

Только я хотела было понять, какого фига я нахожусь *в заточении*, нечто в углу, не подавшее признаков жизни все это время, вдруг завозилось и схватилось за голову.

– Дэвид?! – Я сначала отшатнулась, не веря глазам, а потом, вспомнив, что он сотворил с Сонькой и Киром, рванула на него с кулаками.

Лиана натянулась, а потом и вовсе заставила меня грохнуться на сырую землю всего лишь в футах от парня.

– Аза?! – он выглядел сбитым с толку. Сон еще не покинул его, и поэтому он уселся, опираясь о стены.

– Что ты сделал с Сонькой и Киром?! – я, все еще лежа, попыталась дотянуться до него и схватить за волосы. – ОТВЕЧАЙ! Что, черт возьми, ты сделал С СОНЬКОЙ И КИРОМ?!

– Я ничего не делал с ними! – он развел руки в стороны, – *я клянусь* тебе! – Дэвид снова покрутил головой по сторонам. – Где мы?!

– Хватит притворяться! Ты прекрасно знаешь, где мы!!!

Я замолкла, и мои слова разбились о выступающие глыбы, зависнув там.

Достучаться (и дотянуться) до Дэвида было равносильно тому, как попытаться заставить камень летать. Я в бессилии отодвинулась в самый дальний угол пещеры и закрыла руками лицо.

Колотья не хочет.

Стоп.

И тут в моем мозгу пронеслась подозрительная мысль.

Если это был бы он, *как* тогда Дэвид затащил бы меня сюда? Здесь же сплошная решетка от стены до стены! Значит, это сделал кто-то другой, более сильный и опытный в выживании.

Я слышала, как парень что-то говорит Бу на неизвестном языке, а потом мне на колени стал попадать мягкий синеватый свет, осветив мое лицо, которое на тот момент было все в слезах.

Все бы хорошо, но вопрос напрашивается лишь один: *кто*, если не Дэвид, затащил нас сюда?

Может быть, тот, кто крупнее нас, сильнее и *опаснее*?

– Аза...

Я зарылась поглубже в колени, пытаюсь игнорировать боль от лианы в ноге.

– Аза... – и, поняв, что до меня не достучаться, аккуратно начал: – кажется, я знаю, куда нас занесло.

Он шумно выдохнул, и я увидела, как Бу заметно потускнел.

– Есть такое место на юго-востоке Слипстоуна, где обитает одно выжившее после Второй Мировой племя.

– *Что* ты сказал? – я прищурилась.

Он пододвинулся ко мне:

– Аза, тут обитают *дикари*. И они, увы, не добрые и не щедрые, как хотелось бы верить. Племя У'лу. Я знаю эту компанию лишь потому, что сам не раз попадался в их цепкие объятия, но мне всегда везло и я улепетывал отсюда при первом же удобном случае. Вот за это они меня ненавидят и пытаются поймать уже восемь лет. Это отчасти и объясняется тому, откуда я знаю этот странный слипстоунский язык.

Я с минуту сидела молча, оглушенная настолько, будто мне только что дали мешком с песком по голове. До сих пор я считала, что в этом гиблом местечке обитаем только мы, а тут,

оказывается, живет целая колония дикарей. Я стала шарить в поисках своего ножика, но, обнаружив ни его, ни рюкзака, громко выругалась.

– Можешь не искать, – заметив мои старания, отозвался Дэвид. – Лианы настолько прочные, что их даже пилой не распилишь.

– И какой же дикари эти должны обладать силой, чтобы так легко ее завязать? – скептически спросила я.

– О, – в его глазах блеснула искра ужаса. – Они просто *огромные*.

Мы сидели взаперти еще часа два, и все это время ощущали себя тараканами, которые готовятся наступить свою участь от гигантского, пропахшего стухшей рыбой, хозяйского тапка. Дэвид молчал. То ли понимая всю серьезность ситуации, то ли просто так – не найдя слов.

Конечно, перед этим он три раза назвал себя идиотом, который подумал, что его зовет Эмили, и потащился вместе с Сонькой и Киром искать ее. А это оказалась обычная западня. Дикари племя У'лу как-то догадались, что у Дэвида до сих пор кровоточит его рана об его ныне покойной сестре, которая в Новолуние воеет, как волк, и взяли эту весть себе на заметку. А я три раза назвала его идиотом, оповестив его, что теперь эти дикари точно полакомятся свежей человечинной.

Я пыталась собрать все свои мысли в единое целое, приказать им перестать думать о том, что Кир и Сонька сейчас уже, может быть, варятся в котелке как закуска к основному блюду (несомненно, в роли него выступаем *мы*). Я бы хотела верить, что все получится, но, когда Дэвид сделал акцент на том, что ему удавалось ускользнуть только из их рук, а не из их убежища, мои надежды рухнули в пропасть.

БАБАХ.

Я вскочила с места, как ошпаренная, предварительно давшись головой об треугольный выступ из стены. Лиана натянулась. Дэвид, который в это время ни разу не сомкнул глаз, попятился от решетки прочь.

Я решила, что пришельцы бывают только в книгах. Но увиденное, несомненно, подвергло меня в шок.

Это был настоящий разрисованный желтокожий гигант, сложившийся в три погибели под потолком из-за своего роста. Лицо его содержало негритянско-азиатские черты: сплюснутый нос, глаза-щелочки и остро выраженные скулы, которые буквально выпирали над кожей. Вместо волос были шупальцеподобные отростки, стянутые грубой резиной. Белки глаз были оранжевого цвета; в них едва ли угадывалось наличие радужки. За исключением набедренной повязки из толстой кожи, на нем не было и намека на одежду.

Он шумно втянул в ноздри воздух, перенес свой вес с одной ноги на другую, схватил четырехпальными руками толстые прутья и медленно раздвинул их в разные стороны, шагнув к нам.

– О боже мой, Дэвид! – пискнула я, одним прыжком преодолев разделяющее нас с парнем расстояние. Он схватил мою руку:

– Не делай резких движений. Они ненавидят все, что может таить в себе хоть малейшую угрозу.

Мне следовало вырвать свою руку и отползти еще дальше, но я еще сильнее сплела мои пальцы с его тонкими холодными пальцами.

Тем временем дикарь подошел к основанию лианы, и, делая рубящее движение, выдернул ее «с корнем». Его движения были неуклюжими, он постоянно что-то бормотал на своем языке. Он перекинул лиану через плечо и шагнул в проем, таща меня за собой.

– ДЭВИД!!! – я ухватила его за руку. – ГОСПОДИ, ДЭВИД, ПОМОГИ МНЕ!!!

– Я держу, – он судорожно стал оглядываться. – Держу, Аза!

Напряжение лианы усиливалось, мне стало казаться, что еще немного – и она вырвет мою ногу с корнем. На глазах стали проступать слезы. То ли от боли, то ли от *того самого чувства*, благодаря которому я стала видеть в Дэвиде совсем другую личность. Я видела, что дикарь не испытывает ровно никакого усилия и так же продолжает неуклюже ковылять наверх, держа перекинутую через его сутулое плечо лиану. Мои руки стали потихоньку съезжать, а ногти – оставлять кровавые полосы на руке Дэвида. Он вздохнул, из последних сил сдерживая меня, а потом наклонился и быстро поцеловал в щеку.

– Я спасу нас всех, обещаю, – и оттолкнул меня от себя.

Я волочилась по сухому песку, застывшему, как одна сплошная глыба льда, смотрела Дэвиду в его большие грустные карие глаза и размышляла над двумя вещами: почему он поцеловал меня, и спасет ли он нас всех, даже не имея представления, как можно выбраться отсюда.

«Мы» преодолели склон, и впервые в глаза мне бросился одинокий луч света откуда-то сверху. Послышались голоса; дикарь тащил лиану, которая тащила меня, и не испытывал при этом никаких усилий, словно я была пушинкой. Пройдя по многочисленному песочному коридору, ведущему вверх, мы наконец-то очутились там, где и находились все жители этого странного города Слипстоун.

Это была огромная пустынная пещера с вертикальными вылепленными из глины столбами, поддерживающими его «потолок». Как и остальные помещения, через которые мы успели пройти, она была выдолблена из мягкой скальной породы вперемешку с глиной и твердым оранжеватым песком. Всевозможные лазы и дыры в стенах, порой настолько высоких, что туда приходилось бы только лезть по стене, создавали сходство с термитником, а факелы, освещающие пространство, отбрасывали ужасные тени.

Впереди меня находилось что-то наподобие трона из дерева и глины, куда меня тащил абориген. Сначала я ничего не увидела. Но потом, прищурившись, смогла различить чьи-то длинные руки, желто-оранжевую кожу и надменное выражение лица...

Дикарь поклонился и что-то пролепетал. Вожак махнул рукой. Дикарь снова поклонился и привязал лиану к уступу, торчащему из пола, а потом встал в странноватую позу и издал вой.

То есть, *вой* – смесь смеха человека и мольбы кастрируемого кабана.

Тут же со всех сторон вышли пару таких же дикарей, ведя за собой...

Я потеряла глаза, не веря этому чуду.

– АЗА!!! – Кир и Сонька попытались вырваться из объятий аборигенов, но, не получив должного результата, немного поумерили свой пыл.

– О господи, Сонька! – когда их привязали так же, как и меня, я накинулась на них с объятиями. – Кир!!

Мы обнимались и радовались, как дети, даже не замечая, что за нашими действиями наблюдают с десятков оранжевых глаз. Но вскоре абориген, который привел меня в эту обитель, замахнулся палкой, чтобы ударить меня ею. Мы успели отскочить друг от друга, и она угодила в глиняный пол, где тотчас появилась неглубокая трещина.

Я сжалась, пытаясь успокоить бешено бьющееся сердце. Дэвид остался там! Что с ним сделают?! Дикарям же хватит одного удара, чтобы прибить юношу насмерть!

И его поцелуй... Он означал «мы прорвемся»? Или «ты больше, чем незнакомец»? Или, может быть, «ты больше, чем друг»? Мне пришлось одернуть себя – у нас тут идет выживание на полную катушку, вообще-то, а я о поцелуях думаю!

Дикари сгрудились в полукруг рядом с вожакom, сев на колени и все равно продолжая оставаться неустрашимыми и огромными великанами. На лице вожака не дрогнул ни один мускул. И хотя мы не понимали их языка, мы все втроем догадались, что милости ждать от них не следует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.